

Сергей Хоршев-Ольховский

ИЗБРАННОЕ

Сергей Хоршев-Ольховский

Избранное

Серия «Современники и классики»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44140703

Избранное: Интернациональный Союз писателей; М.; 2019

ISBN 978-5-00153-068-8

Аннотация

Отдельное внимание стоит уделить «Донским рассказам». Своеобразный, фольклорный, удивительно красочный мир казачества пленяет аутентичностью, погружает в особенную атмосферу юга России. Милые, смешные рассказы «Хуторские байки» и душевные, философские рассказы про собак, вызывающие бурю эмоций, пропитаны жарким донским солнцем. «Британские рассказы» другие. Здесь открываются новые грани творчества Сергея Хоршева-Ольховского, вдохновлённого иной культурой, говорящего более кулуарно, с элементами сатиры.

Содержание

К читателю	8
Донские рассказы	11
С чего начинается Родина	11
Равнодушие к святыням	25
Ольгина тайна	32
Британские рассказы	36
Вегетарианец	36
Про кашне и растворимый кофе	41
Ночной Лондон	48
Разные	53
Дорожные истории	62
Настенька	62
Утро на британской железной дороге	76
Запах Родины	80
Мой Чернобыль	93
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Хоршев- Ольховский Избранное

© Сергей Хоршев-Ольховский, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

СЕРГЕЙ ХОРШЕВ-ОЛЬХОВСКИЙ Писатель, редактор, председатель правления Международного Союза литераторов и журналистов АРІА. Входит в редколлегию международных альманахов «Рукопись», «Литературная Канада», «Всеамериканский литературный форум», интернет-журналов «Интер-Фокус» и «Партнер-Норд». Соавтор и ведущий литературных рубрик «АРІА НА ДОНУ». Автор многих произведений прозы: роман, повести, рассказы, очерки, юмористический цикл «Хуторские байки», детские рассказы. Публиковался в различных газетах, журналах, альманахах и сборниках в России, Англии, Германии, США, Канаде, Австралии, Латвии, Литве, Болгарии, Беларуси, Украине, Кипре начиная с 1994 г. На основании этих публикаций в свет вышли пять книг: «Клетчатый пиджак» (2010 г.), «Любовь и грех» (2014 г.), «Запах родины» (2015 г.). «Четыре бездны – казачья сага» (2009 г. – 1-е изд., 2018 г. – 2-е изд.), в новую книгу «Избранное» (2019 г.) отобраны наиболее популярные произведения, неоднократно публиковавшиеся в разных странах мира. Главный редактор и соавтор книги «Английский акцент» (2013 г.), один из соавторов сборника прозы «Русский акцент» (2005 г.). В настоящее время готовится к изданию детская книга «Край неба».

Фольклорно-исторический роман «Четыре бездны – казачья сага» рекомендован директором Центра славянских языков и культур ВГУ Еленой Малеевой к изучению в литера-

турных институтах России.

За сборник донских рассказов и роман «Четыре бездны – казачья сага» награждён атаманом Всевеликого Войска Донского и атаманом Верхне-Донского округа именной казачьей шашкой, грамотой и медалью за возрождение казачества (2009–2010 гг.), главным редактором газеты «Наш край» – серебряным кубком (2009 г.), главой Кашарского района Ростовской области – медалью им. М. А. Шолохова (2014 г.).

Лауреат большой золотой медали им. Франца Кафки в номинации «Проза», присваиваемой Европейской унией искусств (2011 г.); литературных медалей имени О. А. Афанасьева (2015 г.), М. А. Шолохова (2016 г.), Кирилла и Мефодия (2018 г.) и многих других наград (дипломы, грамоты, медали).

Казачий полковник. Чрезвычайный и полномочный представитель Союза казаков России и Зарубежья в Великобритании и странах Европейского союза. С 2001 года проживает в Лондоне.

К читателю

Сергей Хоршев-Ольховский, вице-президент и председатель правления Международного Союза литераторов и журналистов АРІА, проводит большую общественно-организационную и редакторскую работу, но, несмотря на занятость, находит время и для собственного творчества. Его произведения регулярно публикуются в различных издательствах в разных странах. Сергей Хоршев-Ольховский – самобытный автор, со своим особым, неповторимым стилем – живым, лёгким, лиричным, приправленным смачным, хорошо знакомым автору народным языком и станично-хуторским юмором, который буквально приковывает читателя к увлекательным, исторически выверенным страницам его произведений.

Президент Международного Союза литераторов и журналистов АРІА академик Давид Кудыков

Когда я впервые прочитал рассказы Сергея Хоршева-Ольховского, я сразу заметил в них живописность и голографичность слога. Я просто зарядился духовным здоровьем, радостным мироощущением и подлинным патриотизмом автора и стал читать его произведения на литературно-творческих вечерах в Лондоне. Удивительная моторика, подвижность и пылкость личности автора молниеносно передаётся

слушателю, заражает и гипнотизирует его. Писатель создаёт живые, полнокровные образы, проявляя поразительную зоркость в описании героев и их судеб. Джек-лондоновская простота в описании простых тружеников, бунинская страстность и чувственность в изображении женщин и шукшинская любовь к родной земле отличают стиль писателя Сергея Хоршева-Ольховского.

Лауреат многих конкурсов мастеров художественного слова артист Московской филармонии Борис Бурляев (поэт Борис Свободин)

Вот уже несколько лет я читаю на литературно-творческих вечерах в Лондоне рассказы писателя Сергея Хоршева-Ольховского и не перестаю удивляться, как просто, словно на фотографии, показаны жизненно-правдивые ситуации, которые легко вызывают не только смех, но и слёзы. Простое слово, сказанное вовремя, уже не может быть простым, оно несёт в себе много больше, чем слово!

Член Международного Союза литераторов и журналистов АРИА, писатель Лана Свит

«Писать надо не то, что есть, и не то, что «надо», а то, о чём мечтаешь», – говорил Антон Павлович Чехов.

О чём мечтает Сергей Хоршев-Ольховский: «Пусть следующие поколения достоверно узнают, без прикрас, – хочется верить, что захотят узнать, – как жили их сельские предки в третьей четверти двадцатого века, чему радовались, от чего страдали, как любили, на

каком наречии говорили».

Свои мечты автор воплотил в своих произведениях, создав живые, полнокровные образы. Он поднял вечные темы добра и зла, дружбы и чести. Многие истории, которые обязательно оставят след в вашем сердце, родом из детства, – как говорит Сергей: «Я любил в детстве и юношестве слушать рассказы стариков о прошлом нашего края...»

Вице-президент Международного Союза литераторов и журналистов АРΙΑ, председатель лондонского литературного клуба Валентина Коркоран

Донские рассказы

С чего начинается Родина

Моим родителям Антонине Ивановне и Василию Васильевичу Хоршевым, и друзьям детства и юношества

1

Частенько в последнее время в ушах стоит мотив песни «С чего начинается Родина»¹, написанной Михаилом Матусовским и Вениамином Баснером в годы моего детства.

Так с чего же Она начинается?

С картинки в букваре?.. С хороших и верных товарищей?..

Букварь – значимая книга для любого человека.

Лично для меня она по сей день самая живописная и милая сердцу. Как взгляну на букварь, на тот букварь – из моего далёкого счастливого детства, и дух захватывает! Какой же он красивый! Сколько в нём ярких, заманчивых картинок, и

¹ Пояснения к словам, обозначенным звёздочкой, – в конце книги.

сколько воспоминаний благодаря этому!..

Зима в первый год моей учёбы была как никогда лютой. Всюду сугробы, сугробы, сугробы... до самых крыш. Мороз небывало жгучий, отчего окна в классе до основания заледенели многочисленными неповторимыми узорами. В печке потрескивают дрова*. Пожилая учительница, похожая на Арину Родионовну, неторопливо расхаживает по классу в валенках и пуховой шали и монотонно декламирует Пушкина* низким, загадочным голосом, от которого по телу бегут мурашки:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.*

А вьюга во дворе свистит, сердится, в дверь скребётся. Ветер в печной трубе гудит, подвывает. Ты оглядываешься на ближайшее окошко, и тебе кажется, что в него вот-вот на самом деле постучится усталый путник. Всё как будто в изумительном сказочном мире. И ты тоже ощущаешь себя в эти минуты частичкой волшебного мира и тоже поспешно вторись следом за учительницей таким же монотонным, зага-

ДОЧНЫМ ГОЛОСОМ:

Буря мглою небо кроет...

Букварь действительно частичка Родины. Частичка детских воспоминаний, с которых и начинается само понятие Родины.

Хорошие и верные товарищи тоже оставили неизгладимый след в памяти и в понятии «Родина». За вполне уже долгую жизнь мне пришлось повстречаться в разных странах с сотнями людей и с десятками из них крепко подружиться. И всё же те, из далёкого счастливого детства и юношества, по сей день самые любимые. Столько вместе с ними было совершено всяких, на всю жизнь запомнившихся проказ: походы на бахчи, в сады, огороды... Причём чем больше охранялся объект посягательства, тем больше хотелось туда попасть, показав свою храбрость и ловкость – именно в этом вся суть. По-другому было незачем, в своём хозяйстве было то же самое – и сад, и огород, и бахча... А с каким азартом мы рыбачили, стоя в камышах по колено в воде, а то и по пояс – не страшась ни комаров, ни оводов, ни даже пиявок! А как играли в войну с самодельным оружием! А как резались в футбол – шнурованными и залатанными мячами*! А

в хоккей – клюшками, вырезанными из веток деревьев! Дотемна, до шишек и разбитых носов, и без всяких обид и слёз. Может, у самых маленьких и прорывалась слеза на минутку. Но только на минутку. И опять в игру. Даже девчонок иногда принимали, и даже в хоккей! И они тоже не плакались. Особым приключением были походы в кино, на вечерние сеансы: до 16 лет запрещено. Для этого кому-то надо было, всеми правдами и неправдами, проскользнуть перед сеансом в клуб и незаметно отодвинуть несколько занавесок на окнах так, чтобы товарищи могли видеть с улицы в щели экран – это было что-то! Это был подвиг! До сих пор ничто не может сравниться с «Фантомасом»*, просмотренным таким способом!

Много, очень много осталось всевозможных ярких воспоминаний, связанных с хорошими и верными товарищами. Значит, и с друзьями детства начинается Родина.

Не знаю, правда, как теперь?.. Играют, не выходя из дома, у компьютера – и в войну, и в футбол, и в хоккей. И кино смотрят любое – хоть до 16, хоть после... А то и вовсе ого-го какое! Они-то и дружат чаще всего заочно, через интернет. Это не брюзжание. Это вопрос: насколько теперь хорошие и верные товарищи ассоциируются с понятием малой родины, если эти товарищи частенько по переписке и электронным играм и порой с другого конца света?..

Лично у меня понятие «Родина» первым делом ассоциируется с мамой и папой, с воздухом, водой и землёй.

Мама.

Вот с чего начинается Родина! Это ласковое слово всё вбирает в себя. Всё!

Любой может возразить: и что тут удивительного? И будет прав. Конечно с мамы начинается Родина. С чего же ещё. Она родила.

Родила. Родина. Один и тот же корень. Всё вроде бы ясно. И всё же хочется вспомнить что-то особенное для нас двоих.

Моя мама, как и все другие мамы, пела мне песни, когда баюкала.

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

И папа в это время ласково щекотал меня и восклицал:

– Серенький волчок! Ухватит за бочок!

Но всё это весьма и весьма туманно. Вроде как и было, и вроде как и не было...

А вот один случай помню хорошо, из почти «взрослой» жизни, как мне тогда казалось. В пять лет мама взяла меня на руки и побаюкала. Случилось это на посиделках. Когда мы пришли в гости к соседям, там уже чинно сидели на табуретках четыре женщины. Они живо делились последними

хуторскими новостями и по ходу дела баюкали на руках малолетних чад. Но я-то был почти взрослый, мне-то было почти полных пять лет – шутка ли, на днях должен был пойти шестой! Я был почти настоящий казак! Мне сразу стало скучно в жужжащем бабском коллективе, я стал капризничать и проситься домой. А мама, в ответ, решила меня побаякать. Я возмутился, попытался убежать.

Да не тут-то было. Мама ловко подхватила меня на руки, крепко прижала к сердцу и, покачиваясь из стороны в сторону, стала напевать:

– Баю-баюшки-баю, не ложися на краю...

Я некоторое время отчаянно брыкался, но вскоре обессилен и смирился, по мнению всех присутствующих женщин, с участью. На самом деле это было не так. Со мной случилось что-то необыкновенное – меня охватило блаженство. Я куда-то просто улетел, если выразиться современным языком. Никогда больше я не испытывал ничего подобного. Никогда. В некоторой степени с этим может сравниться только одно – первое близкое знакомство с девушкой.

Родина действительно начинается с мам. Они нас рожают для жизни, для подвигов, для Родины. А уж как потом распорядится нами Родина?..

Мама не только дала мне жизнь, но и спасла её. Однажды я забрался по лестнице на сарай и стал там играть в войну. Я бегал по соломенной крыше как угорелый, изображая, что стреляю из всяких видов оружия в фашистов, кидаю грана-

ты и применяю приёмы самбо. Я так увлёкся приёмами, что не заметил, как наступил на край. Штанишки на мне в ту пору были крепкие, скроенные мамой собственноручно из крупного вельвета. В их пояс была вшита тугая резинка, а в холошины, чуть повыше щиколоток, ещё туже. При падении я зацепился резинкой на поясе за деревянный колышек, за чем-то вбитый в край крыши, и штанишки сдёрнулись с меня до самых щиколоток. Я повис головой вниз, стал вертеться, хвататься за стены, подтягиваться к щиколоткам, пытаюсь высвободить ноги из холошин. Но силёнок всё время чуть-чуть не хватало. Голова вскоре стала кружиться, заливаться кровью, я стал терять сознание... И всё-таки успел в последнюю секунду пронзительно выкрикнуть:

– Мама-а!

Очнулся я у мамы на руках. А ведь в тот день она была дежурная по ферме и должна была вернуться только поздно вечером. Но её чуткое материнское сердце в тот час не на шутку встревожилось и она, вопреки всем обязанностям, прибежала на минутку домой. Как оказалось, в нужную минутку.

Папа.

С папой мы по рождению одной звучной красивой фамилии, уходящей корнями в глубь веков. Мы урождённые, закоренелые казаки, с богатой родословной. Я с раннего детства внутренне чувствовал: мы – одной крови. Я всегда хо-

тел быть рядом с отцом, всегда хотел подражать ему. Он тоже всегда хотел быть рядом со мной. Никогда и ни в чём не отказывал, хоть и был весьма строгим казаком. Всегда готов был прокатить меня на тракторе или мотоцикле, или, на худой конец, на велосипеде, пусть и была нехватка времени. Никогда не возвращался он вечером в дом с пустыми руками, у него всегда в кармане был гостинец – конфетка или пряник. А когда один раз такое всё-таки случилось, по весьма объективному стечению обстоятельств, он не стушевался, сунул мне в руку яичко, сваренное всмятку, которое брал на обед в поле и не скушал из-за страшной занятости, и торжественно объявил:

– Это лисичка-сестричка встретила меня в поле и прислала тебе гостинец.

Ничего и никогда более я не ел с такой радостью и с таким азартом. Это осталось в памяти на всю жизнь. Я тоже носил в кармане конфетки, когда мои дети были маленькими, и всегда уверял их, подражая своему отцу, что это лисичка-сестричка прислала или зайчик-попрыгайчик.

Папа привил мне чувство любви к Родине. Он беззаветно любил землю, на которой родился. Он страстно любил запах полей – запах пшеницы, запах кукурузы, запах разнотравья, запах полыни и чабреца. Он страстно любил звуки полей – звонкие, радостные переливы жаворонка высоко-высоко в небе, в ослепительных лучах утреннего солнца; стрекотанье кузнечиков и гудение шмелей в разгар дня; убаюкивающую

песнь перепелов на вечерней заре да полуночный скрежет сверчков. А ещё он испытывал страсть к езде и познанию мира. Он любил колесить на мотоцикле при любом удобном случае, по близлежащим хуторам и станицам. Любил он и дальние поездки по необъятной стране, но отлучался с малой родины ненадолго – на недельку-другую. И мечтал, чтобы я тоже, выучившись, вернулся в родные края. Но именно папа невольно подтолкнул меня к тому, что я рано и надолго оказался вдали от родной земли.

Папа всегда сворачивал, вплоть до последних дней своей жизни, какой-нибудь лощёный плакатик в несколько раз так, чтобы он походил на портмоне, и складывал туда, между свёрнутых прямоугольных страничек, превращавшихся в карманчики, всевозможные записки и квитанции. Когда самодельное портмоне истрёпывалось, он отдавал его мне для игры и сворачивал новое. Однажды ему подвернулась под руку яркая разноцветная карта мира. И когда карта превратилась в подобие портмоне и слегка истрепалась, он тоже отдал её мне.

Карта поразила моё воображение. Я зазубрил наизусть, как только научился читать, все страны, все столицы мира, все океаны и моря... И навсегда заболел путешествиями.

Папа тоже спас меня от неминуемой смерти.

Будучи шестилетним сорванцом, я один пошёл на огород за молоденькими, пахучими огурчиками. Сорвал парочку и решил попрыгать и покувыркаться через голову по пуши-

стой зелёной травке, недалеко от копанки*. Расстояние было вполне безопасным, но я так азартно кувыркался, что голова начисто закружилась и я угодил-таки в копанку и стал захлёбываться холодной родниковой водой. Но в истерику, к моей теперешней гордости, не ударился. Стал отчаянно барахтаться и удержался на мгновение на плаву – в это мгновение я умудрился ухватиться за длинный корешок травы, торчавший из земляной стенки копанки, и попытался выбраться самостоятельно, без криков и слёз. И мне бы это удалось, да корешок в самый последний момент оборвался. Я упал обратно в воду, опять ухватился за корешок и опять стал карабкаться наверх. Так продолжалось до тех пор, пока все корешки не оборвались. Я окончательно обессилел, порядком наглотался воды и стал то и дело приныривать, как поплавок во время клёва. Ещё бы минута, другая... и всё! На этом я не выдержал, отчаянно закричал:

– Помогите!

И тут на краю копанки показались носки ботинок – через секунду папа заглянул вниз. Он потом толком не мог объяснить, что же его, всего лишь на минутку заскочившего домой, заставило пойти на огород. Что?

А я могу. Мы с ним одной крови и одной звучной и красивой фамилии от рождения.

Родной воздух и родная земля.

Где я только не был, где только не учился, где только не

работал, с кем только не встречался, с кем только не дружил – если перечислить, список займёт места не меньше самого рассказа.

Но первый глоток наичистейшего и наивкуснейшего воздуха я сделал там – на земле, на которой сделал свои первые шаги, на которой произнёс свои первые слова, на которой встретил своих первых друзей, на которой впервые дотронулся до девичьего тела. Всё, что было впервые – всё было там! Даже моя первая профессия – профессия штурвально-го* – до сих пор сидит ярким воспоминанием в моём сердце и сознании и до сих пор кажется самой весёлой и романтической. Так, наверное, на самом деле и есть. Это ведь всё было на родном воздухе и на родной земле, освещённой особыми лучами особого для той местности солнца.

3

А ещё Она начинается с запевки скворца, с заветной скамьи у ворот и с каких-то ещё близких нашему сердцу вещей и событий.

Скворца теперь мало кто слушает. А зря. Скворец является явным атрибутом малой родины. Что он только не вытворяет – талантище этакий, на заре. Так за душу и берёт! Это целый оркестр! Как он только не щебечет, как только не свистит, как только не заливается! Каким только голосам не

подражает! Сам не раз был свидетелем, как бабушка Дуня распекала дедушку Ваню:

– Дед, ты опять гусей не выгнал на траву?

– Выгнал, с самого утра.

– Да как же выгнал, коль они во дворе гогочут!

– Остепенись! – повышал голос дедушка. – Говорю выгнал, значит выгнал!

– Тогда гуси вернулись! – упорствовала бабушка.

Они оба поспешно выбежали из свежепобелённой хаты во двор и добродушно ворчали на скворца-пародиста, подражавшего целому стаду гусей. Мычал он телёнком, блял овечкой, и бабушка опять бранила дедушку, что он вовремя не вывел скотинку пастись. А когда выяснилось, что это новые проделки скворца, они опять добродушно ворчали на него и заодно гордились, что он у них самый умелый из всей округи.

Им было отчего гордиться. Скворец даже научился подражать по утрам пускачу* трактора, за что его особо хвалил тракторист, у которого поломался будильник.

Раньше в каждом дворе был на длинной жердине* скворечник. Если он ветшал или по какой-то другой причине становился непригодным для жилья, хозяева незамедлительно поднимали ввысь новый. А как иначе. Скворцы, в отличие от людей, всегда возвращаются домой после дальних путешествий, и всегда вовремя. Они своего рода члены семьи – а семья и есть Родина.

Заветная скамья у ворот – особый атрибут. С чего-чего, а с неё тоже начинается Родина. Там мы с ранних лет усваивали разность полов, там завязалась первая дружба, там пришла первая любовь и первые поцелуи, там мы впервые слышали о далёких странах и городах – именно это больше всего врезалось в наши сердца и навсегда осталось в нашем сознании, куда бы судьба нас ни занесла, что бы с нами ни сотворила, какие бы яркие события нам ни преподнесла. Скамейка за двором останется в нашей памяти навсегда. Чем дальше в глубину лет, тем отчётливее и ярче. Оттуда – от скамьи у ворот, многие из нас разлетелись в разные края и теперь многие отчаянно ностальгируют и мечтают возвратиться, хотя бы в конце своей жизни. Но многим ли удастся вернуться туда, где навсегда остались дедушки и бабушки, папы и мамы; туда, где самый вкусный воздух и самая вкусная вода; туда, где самая мягкая и удобная под твоей ногой земля; туда, где ещё остались хорошие и верные товарищи; туда, где ещё ставят скамьи у ворот и где по-прежнему чудно поют скворцы и соловьи?..

Послесловие

Понятие «Родина» объёмное, и понятие, с чего она начинается, у каждого своё – список может быть весьма обширным. Но мама, папа, глоток воды и глоток воздуха с ключ-

ка той земли, на которую мы впервые ступили, всегда войдут в этот список. Луна, солнце и звёзды, при особом расположении которых мы родились и которые впервые осветили нас особым для той местности, нигде больше не повторимым светом, тоже войдут в этот список. И запахи той местности, и звуки, и люди... Только там – на малой родине, наш организм будет функционировать наиболее благополучно, только там наша душа будет наиболее умиротворённой. Пусть и окажемся мы там ненадолго – всего лишь на один денёк, всего лишь на один часок...

Равнодушие к святыням

1

«Измельчал народ! Небережливый стал! Попусту суетливый! Ко всему равнодушный! Бога не боятся! Старших не почитают! Традиций не соблюдают! Одним-единственным днём живут! Да и как иначе? Совести-то у людей почти не осталось!..» – неоднократно слышал Иван Сельцов в детстве такие слова в адрес своих родителей от дедов и прадедов, а большей частью от бабушек и прабабушек. Дедушек-то с прадедушками чуть ли не подчистую войны вышибли, а между ними были расказачивание и раскулачивание – в результате расстрелы, тюрьмы и ссылки в сибирские лагеря, откуда мало кто возвращался. А ещё был жуткий, смертельный голод! И всё-таки некоторые умудрились выжить даже в таких невероятно тяжёлых, просто-таки невыносимых для человека условиях и нашли силы бороться за более справедливое будущее, упрекая детей и внуков в измельчании нравов.

Поколение Ивановых родителей, вдоволь наслушавшееся от стариков тяжёлых упрёков, с годами набралось жизненного опыта и тоже, ни с того ни с сего, стало упрекать своих детей, разве что чуть-чуть помягче и пореже. Ивана это всегда задевало, и он всегда спорил со старшими.

– Мы не были тунеядцами! Нет! – утверждал он при любом удобном случае. – Мы учились! А учёба – тяжёлая работа! Это знают все! Кроме того, мы на каникулах помогали колхозу – работали штурвальными*, в колхозном саду и огороде, пасли коров и телят, пропалывали поля подсолнечника, кукурузы, свеклы... А наши молодые спортсмены что вытворяли на Олимпиадах в то время?! Разве до этого так могли? Или теперь так могут? Неблагодарными мы тоже не были – всегда заверяли на школьных линейках старших товарищей, что не посрамим их трудовых подвигов и даже приумножим! Нет, я никогда не соглашусь, что наше поколение – измельчавший народ! – негодовал Иван.

Но пришло время, когда Ивану тоже захотелось во всеуслышание сказать: «Измельчал народ!...»

И было от чего.

Штурвальными не работают, стада не пасут, поля не пропалывают. Да и как это сделать? От большого хутора в двести с лишним дворов, бывшего всего лишь одной из трёх бригад большого колхоза, почти ничего не осталось. Нет ферм с сотнями голов скота, нет гомонящей птични и нет тракторного двора с десятками различных сельскохозяйственных агрегатов. Ничего нет: ни одной общественной скотинки, ни одной птичинки, ни одного-единственного комбайна или трактора. Да что птични и фермы, нет даже начальной школы!

И всё-таки не это больше всего возмутило Ивана – это дело объективное и, может быть, даже поправимое. Его возму-

тило другое – равнодушные к святыням.

2

Иван на своей малой родине бывает один раз в год – летом. И всё, что там случается за осень, зиму и весну, его живо интересует. Кто женился и кто построился? Кто родился и кто умер?

Женятся редко. Строятся тоже редко – даже очень редко. Значит, и рождаются редко. Но умирают часто. И поминают их весело. С водочкой. Где теперь ещё встретиться и отвести душу современным гражданам, охваченным невесть откуда свалившейся на их головы чудовищной суетой, как не за поминальным столом, за которым можно часто услышать, что к традициям и святыням стали относиться не должным образом? Где-то там – то ли в какой-то соседней деревне, то ли в каком-то соседнем районе – по могилкам беспризорно бродят стада коз и овец. Где-то их даже сами люди привязывают к крестам. Где-то и вовсе происходят небывалые события: «новые» русские крестьяне, а точнее полоумные русские крестьяне, снесли со старого кладбища к излучине реки множество крестов – из одних настелили помосты, из других соорудили трамплины, из третьих сделали полотняные грибки от солнца и «культурно» отдыхают, подражая пляжникам с большой реки. Видимо, представляют себя на левом берегу батюшки Дона, а то и вовсе на безбрежных просторах

матушки Волги. А где-то там ещё – бог весть где, произошло бог знает что!..

«Так это же где там – бог знает где!.. – умиротворённо думал Иван, с некоторым недоверием слушая подобные страсти. – У нас-то, слава богу, люди ухаживают за кладбищем прилежно. Штакетником огородили от посягательства разбойных коз и от всяких других неразумных созданий, наподобие глупых телят...»

Но именно в день благодушных дум умиротворённого Ивана произошло событие, которое всё-таки заставило его запальчиво выкрикнуть:

«Действительно, мельчает с годами народ!»

3

Случилось это в начале августа, в необыкновенно сухой и жаркий, даже для донской, жутко горячей в летнее время степной земли, день.

На вечерней заре на бугре вдруг вспыхнула, рядом с древним хуторским кладбищем, изморённая несносной жарой сухая, перестоявшаяся степь. Длинные рваные языки оранжево-красного пламени и огромные клубы чёрно-серого вихрастого дыма в одночасье подпрыгнули над землёй и, драчливо копошась, безудержно понеслись к ясному синему небу, туманя его и отодвигая ввысь. Затем пламя резко упало вниз, неистово задёргалось, заплясало и в чехарде всё с

теми же вихрастыми клубами дыма пошло сплошной стеной в сторону кладбища.

Из дворов тотчас повыскакивали старые люди. Они испуганно охали, ахали, отчаянно всплёмкивая руками, и подследовато вглядывались, прикладывая к глазам трясущиеся ладони, в степь.

Иван, привлечённый суетой и причитаниями стариков, тоже выскочил из двора, вскинул взгляд на самую высокую точку хутора и вздрогнул – по его телу мгновенно разбежалось неисчислимое стадо мурашек. Он только что – утром – был там, навещал отца. На могилах чистенько, благопристойно. Кругом успокаивающе шуршат сиреневые бессмертники, всюду таинственно-терпко пахнет полынью, зверобоем, чабрецом... А сейчас рядом со всем этим благолепием беснуется пламя.

Иван побежал по хутору, стал взывать к людям. Но в ответ услышал однообразно странные, не вяжущиеся с ситуацией простодушные высказывания:

«До могилок ещё далеко, ветер скоро переменится и всё затухнет...»

«Оно у нас часто горит, что ж его, каждый раз тушить? Сил не хватает».

Между тем седоватый степной вечер стал быстро сменяться тёмной южной ночью, и пламя стало видаться всё отчётливее и отчётливее – оно всё приближалось и приближалось к могилам.

Убедившись, что призывы никто не слышит, Иван забросил в багажник канистры с водой, вёдра, мётлы, лопаты и прыгнул в свою не приспособленную для сельской местности иномарку, в которой уже сидели в халатах поверх ночных рубашек мать, жена и дочь. Иван хотел выпроводить их восвояси, но, поймав непоколебимо решительные взгляды, осёкся и поспешно запустил двигатель. Летел он по хутору как угорелый, раздирая о жёсткую, накрепко засохшую землю днище низкого на ходу автомобиля, часто сигналив и мигая светом, надеясь, что кто-то всё-таки присоединится. Но следом скакал на мотоцикле только сын. Рядом с кладбищем Иван обернулся и увидел ещё одно зарево – поменьше, в противоположной стороне, за речкой. Это красовался в лучах ярких ламп хуторской клуб. Иван развернул сына в обратном направлении:

«Скачи, зови молодёжь!»

Кладбище было в опасности: горел штакетный забор, деревца и сухая трава вблизи окраинных оградок и крестов.

Иван безоглядно кинулся вперёд, сбивая с ограды пламя смоченной в воде метлой, и не замечал, что происходит вокруг – он видел перед собой только море огня. Вскоре к нему присоединился сын, тоже с мокрой метлой, и мгновение спустя – хуторской парень с лопатой.

«Что там молодёжь?» – закрываясь ладонью от огня, крикнул он сыну.

Ответа не последовало, только осуждающий взмах рукой.

Молодёжь была занята танцами.

К счастью, тройка мужчин не осталась без поддержки. За их спинами насыпали в подолы халатов песок и стремительно носились среди языков горячего пламени и едких клубов дыма женщины – растрёпанные, закопчённые, неустрашимые. Иван был поражён их отчаянной решимостью и от удивления даже стал пересчитывать. Он привёз только троих, а здесь было семь, правда, с натяжкой – три совсем ещё девочки. И всё же он возликовал: «Не до конца измельчал народ! Нарожают девчонки себе подобных!»

Ольгина тайна

(быль)

Небольшой степной хуторок «Ч» всегда славился необыкновенными происшествиями. Да только такого удивительного случая, который произошёл с Демидовой Ольгой, никто из старожилов не помнил и даже слыхом не слыхивал от прадедов.

Ольга в юности была привлекательной девушкой – белокурой, стройной, весёлой. Молодые парни толпами кружили вокруг неё, но она вышла замуж за мужчину вдвое старше себя.

У родных были двойкие чувства. Они были рады, что Ольга обеспечила себе спокойную жизнь с хорошим и хозяйственным человеком, и в то же время боялись, что она рано овдовеет. И, как оказалось, не напрасно. Ольга стала вдовой на первом же году замужества, и мужчины опять стали вертеться возле неё, словно зачарованные. Однако Ольга выдержала год траура достойно. А потом вдруг стала чахнуть. Прямо как в сказке – не по дням, а по часам.

– Мужичка тебе надобно, – советовали ей подруги. – Не то совсем засохнешь.

– Ох, правду говорите, подруженьки. Иной раз просто с ума схожу я по ночам от тоски, – призналась Ольга и в тот

же вечер модно принарядилась и встала перед портретом мужа на колени – испросить у него позволения повстречаться с другим мужчиной. Но муж в ответ, как ей показалось, сурово нахмурил брови и осуждающе скосил на неё тёмные, блеснувшие отразившимся лунным светом глаза. Ольга до отчаяния испугалась его недовольного призрачного взгляда и своих неожиданных греховных мыслей. Она тотчас сорвала с себя красивые новые наряды и нагая поспешно нырнула под одеяло, затрепетав мелкой, нервной дрожью.

Настенные часы тем временем пробили десять раз – необычно звонко, переливисто и загадочно-жутковато. Вскоре они пробили одиннадцать – ещё звонче и ещё более жутко. А когда наступила полночь, она вдруг в ужасе ощутила рядом с собою мужчину, в котором тут же признала покойного мужа. Он страстно зашептал только ей известные душевно-пылкие, пьянящие разум слова, от которых её сердечко не только теперь, но и раньше-то готово было выпрыгнуть наружу. В жгучих порывах страсти и ужаса Ольга не в состоянии была созерцать его, но знакомый приглушённо-ласковый голос, всегда покорявший по ночам её волю, и мускулистое тело покорно чувствовала до самого рассвета...

И так стало продолжаться каждую ночь. Совсем было увядшая Ольга сразу повеселела и броско расцвела, будто степной цветок после долгожданного ливневого дождя.

– Ухажёра, видать, завела!.. – стали судачить хуторские бабы, заметив на её лице игривую улыбку.

– Да-а!.. Без хахаля тут не обошлось!.. – вторили мужчины, завидуя счастливчику.

Только словам своим, пожалуй, не верили ни одни, ни другие. Деревня ведь – от людского глаза ничего не утаишь. А людской глаз не замечал за Ольгой никаких крамольных дел. И всё же многие догадывались: с ней творится что-то неладное! Две близкие дотошные подружки тоже были такого мнения и однажды довели её своими шутками-подковырками до отчаяния и вывели-таки тайну.

– Ничего тут особенного! – с недоверием воскликнула одна из них. – Мне и не такое снилось!

– Я тоже сперва так думала, – спокойно возразила Ольга, заранее готовая к такому ответу подруги. – Но теперь гляжу на это иначе. Ведь я даже советуюсь с ним.

– О чём?

– Как мне жить дальше.

– И что?

– Всё хорошо. Советы он даёт верные.

– Ой, да читала я про такое! – усомнилась и другая подружка. – Галлюцинация это!

– Нет! Это наяву! Я чувствую его! Вот как вас сейчас! – рассердилась Ольга и ущипнула за бока обеих подруг. – А ещё, если хотите знать, меня стало подташнивать!.. – выложила она в сердцах свой главный секрет.

– Ерунда, тебе просто нездоровится. Сходи в больницу.

– Не надо в больницу! Лучше походи к знахарке!

Стали советовать подруги, не веря её словам.

– Отстаньте! Мне лучше знать! – с обидой отвернулась от них Ольга и резво зашагала домой, вызываяще покачивая крутыми бёдрами.

А через полгода она уже гордо носила большой, округлый живот. И когда пришло время, родила здорового горластого малыша, очень уж походившего на её погибшего от грозы мужа.

Британские рассказы

Вегетарианец

Настоящим другом человеку в трудную минуту может быть не только другой человек, но и существо «неразумное», с точки зрения самого человека. Распознав это однажды, человек разумный готов пойти на большие жертвы ради существа «неразумного».

Эту необычную историю о любви человека к животному я услышал в лондонском пабе* от эмигранта по имени Вячеслав.

Высокий, рыжеватый Вячеслав был медлителен и скорее походил на британца, нежели на россиянина. Он всем показался по меньшей мере странным. Мало того, что он не пил ничего крепче пива, не выносил табачного дыма, заменял все бранные слова одним-единственным словосочетанием «козья морда», он ещё, вдобавок, был вегетарианцем. Для западных европейцев это обычное дело, но для восточных, любящих выпить крепенького, закусить жирненьким и между делом ввернуть смачное словечко, такие привычки казались подозрительными. Особенно всех раздражало, что он не ел никакого мяса. И за такое неуважительное отношение к

богатой белками пище, дающей мужчине так ценимую женщинами силу, уверенность и даже некоторую дерзость, Славику пришлось держать ответ перед разгорячённой публикой.

– Дело было в казачьих краях – на Кубани, жена моя родом оттуда, – с неохотой начал Славик издалека. – Познакомились мы с ней ещё в перестроечные времена во Владивостоке. Оба в море ходили на одной и той же посудине – она радистом, а я судовым электриком. Всё вроде бы складывалось хорошо – душа в душу жили, так нет же!.. Официальной женой захотелось ей стать! Как ни отговаривал я её от этого опрометчивого шага, она настояла на своём. Что из этого вышло, сами можете догадаться... По законам тех невыездных, социалистических времён нас тотчас развели по разным пароходам. И жизнь сразу потускнела – оно и неудивительно: что хорошего встречаться с собственной женой только во время отпуска! Бывали, конечно, случаи, когда наши пароходы разок-другой в год, по стечению обстоятельств, сходились вместе в каком-нибудь корейском или японском порту. Однако от таких коротких встреч становилось порой ещё тоскливее. Это и вынудило нас обоих, без памяти любивших море, задуматься о сходе на берег. Но, наверное, мы всё-таки не решились бы на этот жуткий шаг, не развалились тогда в прах экономика страны. Деньги платить стали плохо, а потом и вовсе перестали. Так и оказались мы на Кубани.

Приняли меня там неоднозначно. Простодушный тесть,

имевший аж четверых дочерей, – по-свойски, как родного сына. А властолюбивая тёща, привыкшая повелевать всей семьёй, настороженно – а со временем и вовсе возненавидела, и всего лишь за то, что я тестя считал в доме главным. Досаждала чем только могла, а «главный», видя такое дело, струсил и от греха стал сторониться меня. Под любым благовидным предлогом отказывался и от рыбалки, и от шахмат, и даже от воскресных походов в пивнушку. Самое обидное, что жена моя, будучи всегда и везде лидером, в присутствии тёщи тоже превращалась в послушную, бессловесную овечку.

Затосковал я и собрался уезжать на родину – на Смоленщину, да случай один удержал. Соседская собака ни с того ни с сего в клочья разорвала нашу квочку, а заодно и цыплят передушила. Один лишь остался живой, и тот покалеченный – и крылышки были сломаны, и ножки. Тёща хотела добить его, чтобы не мучился, и в землю закопать. Но я отстоял пернатого и стал выхаживать. На ножки наложил шины из спичек, крылья перевязал бинтами, с рук кормил и поил, пока он не пошёл на поправку. И так тот петушок привык ко мне, что ни на шаг не отходил, когда я был дома. Что-нибудь по хозяйству делаю – он рядышком букашек в травке ловит. Стану с мотоциклом возиться – он опять тут же: то ключи рассматривает, то из протекторов шин засохшую грязь выклёвывает. А сяду газету читать, он на коленях у меня примостится либо на плечо залетит. Единственным другом, по-настоящему,

был для меня Петя в то время. Мы даже на рыбалку ходили вместе! А с тёщей тем временем отношения всё ухудшались и ухудшались. И она, козья морда, победила-таки – в борще сварила моего Петю!.. Да ещё меня, вдобавок, попотчевала! Когда я узнал, что скушал любимого друга, я чуть было ума не лишился! На этом терпение моё лопнуло – опять в море подался. С тех вот пор, в память о близком друге, не ем мяса вовсе! Я, вероятно, в бабушку жалостливый такой к животным, – на одном дыхании продолжил обычно уравновешенный, но в тот час взбудораженный Славик. – В её жизни в голодные послевоенные годы тоже был необычный случай. Корова, по старости, перестала молоко давать. И пришлось бабушке вести Бурёнку на бойню, ради шестерых оголодавших детишек. Но когда она привела её туда, Бурёнка вдруг прижалась к бабушке шеей, задрожала вся и стала плакать... Да-да! На её глазах выступали самые настоящие слёзы, – усилил голос Славик. – Не вынесла бабушка коровьих слёз, выхватила из рук резника налыгач и сама, рыдая, пустилась, наперегонки с Бурёнкой, восвояси!..

– Зря ты всё так близко принимаешь к сердцу, май фрэнд*. На то он и кур, чтобы во щах плавать. Кажется, так в народе говорят... – возразил Славику неразборчивым басом крупнолицый, раздумавшийся от обильного возлияния плечистый здоровяк, бывший родом из сибирских охотников, и стал сосредоточенно обглаживать жареную куриную ножку.

И без того взбудораженный неприятными воспоминаниями Славик в ту минуту просто взбесился, схватил со стола стакан с виски, принадлежавший сибиряку, и, вопреки своим убеждениям, вознамерился осушить его, но тут же одумался, бросил стакан на место, разбрызгивая содержимое, и со словами: «Друзей не предают!» – выскочил сломя голову на улицу.

Про кашне и растворимый кофе

Моей дочке Эльвире Сергеевне Хоршевой

Я с юных лет любил путешествовать. Вероятно, поэтому судьба занесла меня в другое государство. Сначала в Литву. А затем через Амстердам, Брюссель и Париж – в Англию.

Теперь я живу в многомиллионном Лондоне и с интересом осматриваю многочисленные достопримечательности. Передвигаюсь я по столице Великобритании чаще всего на метро.

Лондонское метро вряд ли может сравниться красотой и частотой движения с московским. Андеграунд* будто специально создан для проверки нервной системы человека. Электрички здесь ходят по расписанию, как поезда дальнего следования. Они частенько опаздывают, подолгу стоят на остановках, застревают в тоннелях между станциями и могут даже вовсе остановиться на некоторое время – особенно зимой. Чтобы избежать лишних волнений, вы всегда должны выходить из дома заранее и в пути себя чем-то развлекать.

Когда я в пути один – читаю. А когда с семьёй – отгадываем кроссворды.

Однажды мы ехали в Гайд-парк* вдвоём с дочерью и в очередной раз застряли на несколько минут между станциями, но отчаиваться не стали – тут же развернули газету с

кроссвордом, и я рассмеялся. В начале кроссворда были два весьма курьёзных для меня вопроса. Первый: лёгкий шарфик? Ответ – кашне. Второй: растворимый напиток? Ответ – кофе. Что в них смешного? Расскажу.

Четверть века назад я приехал, прямо из армии, в город Ростов-на-Дону, на курсы рулевых-мотористов. В мореходном училище общежития не было. Начальник отдела кадров сунул мне в руку несколько старых календарных листков с адресами и добродушно хихикнул: «Поезжай, выбери себе квартиру...»

По первому адресу меня встретила пожилая, но ещё весьма проворная и привлекательная женщина. Едва узнав, в чём суть дела, она приветливо сказала: «Раздевайтесь, будем пить кофе».

Я с готовностью повесил пальто на вешалку из оленьих рогов, а шапку, перчатки и зонтик положил на стоявший рядом громоздкий старинный стул чёрного цвета с необычайно высокой прямоугольной спинкой и чинно уселся на такой же тёмный антикварный диванчик.

Бабушка усмехнулась и, не сводя с меня глаз, добавила: «Кашне тоже можете повесить на вешалку».

Вот тут-то и началось смешное: я в нерешительности поёрзал на диванчике, приближая его кожу к ещё большей антикварности, затем, в такой же нерешительности, взял со стула зонтик и осторожно повесил его на самый маленький

рожок – я тогда ещё не знал, что такое кашне.

А бабушка опять: «Кашне тоже повесьте».

Я снова поёрзал на диванчике, подумал и водрузил на рога шапку. Но бабушка не унималась, и мне не оставалось ничего другого, как схватить со стула перчатки и засунуть их в карманы пальто.

Бабушка снисходительно улыбнулась и не то утвердительно, не то вопросительно сказала:

– Ваше кашне, вероятно, весьма дорогое.

– Почему вы так решили? – не удержался я от встречного вопроса, горя желанием узнать, что же это за хитрая такая вещь – кашне.

– Ну, раз вы так упорно не желаете снять его с плеч!.. – хмыкнула бабуся.

Я сконфузился и не знал, что ответить. Но, на моё счастье, в другой комнате зазвонил телефон. Бабушка обрадовалась звонку и чуть ли не бегом кинулась к допотопной и увесистой, как и всё в этом доме, телефонной трубке и долго-долго с кем-то болтала о погоде, о ценах на базаре и о несносной соседке. Затем на минутку прервалась и сказала мне: «Растворимый кофе и молоко на столе – угощайся!..» – и опять припала к трубке и стала обсуждать неубедительную игру актёров во вчерашнем спектакле. А я тем временем заполнил большой ложкой большую часть стакана сухим порошком, напоминавшем мне порох, и залил холодным молоком, без сахара. Напиток получился «обалденный»!.. Что поделаешь,

родился я и вырос в деревне.

В сельской местности в ту пору пили не кофе – напиток из сушёных фруктов, называемый в народе взвар, а у нас на Верхнем Дону просто – звар, да чай из мяты, шиповника, зверобоя... Теперь времена, конечно, другие: в российской деревне пьют коку, кофе и ещё невесть что, лишь бы было написано: «Made in не наше».

Как ни странно, бабушке я в конечном итоге понравился, и она согласилась принять меня на квартиру. Но я, к теперешнему моему сожалению, под благовидным предлогом покинул слишком дотошную, с тогдашней моей точки зрения, женщину и пустился в новые поиски, а по пути старался припомнить что-нибудь компрометирующее горожан. И припомнил-таки...

Мой дедушка рассказывал, как в далёкие тридцатые годы один большой начальник из большого города увидел в поле просо и стал угрожать бригадиру тюрьмой за то, что он в трудное для государства время посеял вместо хлеба веники. И на возражение бригадира, что это вовсе не веники, а очень нужная стране сельхозкультура, после обмолота которой получают пшено, варят кашу и досыта кормят армию, большой начальник ответил вызывающе: «Ты что думаешь, я никогда не покупал в магазине пшено и не знаю, как оно выглядит?!»

Этим я и удовлетворился, что, однако, не облегчило мне поиск квартиры.

Весь день понапрасну промотался я по осеннему дождли-

вому городу (либо квартиры были уже заняты, либо хозяева отсутствовали) и под вечер, в сумерках, уставший, голодный и продрогший, оказался на окраине среди частных домишек, ошелёванных досками. Дверь в одном из них была настежь открыта, и я, используя шанс, шагнул на порог.

В прихожей комнате жарко дышала раскалённая каменным углём печь. По периметру просторной комнаты сидели на самодельных деревянных лавках и табуретках трое парней, три девушки и округлая, словно колобок, низкорослая женщина, и все они звонко хлопали в ладоши и кричали:

– Сашка!.. Сашка!..

А посреди комнаты танцевал лезгинку высокий, стройный парень и одновременно пел, подражая Вахтангу Кикабидзе: «Па-а аэродрому... Па-а аэродрому... Лайнэр пролэтэл, как по судбэ...»

Все были так увлечены, что даже не заметили незваного гостя. Сашка обнаружил меня первым и тут же, не прекращая танца, выкрикнул, имитируя кавказский акцент:

– Захады, дарагой! Рассказывай, какие проблемы! Ми их враз решим!

И я зашёл, и рассказал. Сашка звонко рассмеялся, но тут же спохватился и с душевной ноткой в голосе изрёк:

– Не унывай. В жизни всё поправимо. Деревенские чего-то не знают о городской жизни, а городские, наоборот, о деревенской. К примеру, один мой знакомый, чисто городской и очень культурный парнишка, искренне считал, что

молоко изготавливают на заводе точно так же, как, скажем, квас или пиво. И когда я отвёз его в деревню к моей бабушке и он увидел своими глазами, откуда берётся молоко, он был просто ошеломлён.

Теперь звонко рассмеялся я.

– Свой парень! – дружески хлопнул меня по плечу Сашка. – Берём на квартиру!

– Куда мы его положим? У нас даже у девчонок в комнате нет ни одного свободного места! – испуганно замахала руками хозяйка.

– Я же занимаюсь йогой! – ударил себя кулаком в грудь Сашка. – Запросто могу спать на полу!

Хозяйка ласково улыбнулась Сашке – видимо, она любила его как родного, и согласилась принять меня, с условием, что я привезу настоящий деревенский гостинец: яичек, салыца, маслица, сметанки, индюшатинок... И желательно побольше.

Дочка моя хохотала чуть ли не до слёз и никак не хотела верить, что её папа только в двадцать лет впервые увидел растворимый кофе.

Я не был огорчён. Я был рад её чистому, откровенному смеху и горд за своё поколение, выросшее на натуральных отечественных продуктах.

2005 г.

Маленькое послесловие

Рассказ «Про кашне и растворимый кофе» неоднократно публиковался в газетах, журналах, альманахах и сборниках в разных странах мира и многих насмешил, а некоторых даже напугал: «Да разве такое может быть, чтобы человек не знал, откуда берётся молоко!» – восклицали они.

Я написал чистую, литературно обработанную правду, но всё равно целых два года чувствовал себя перед читателями неловко. Вроде как опорочил нашего человека. И только спустя два года, когда во многих британских газетах появилась информация о том, что компания Dairy Farmers опросила одну тысячу юнцов до пятнадцати лет с целью выяснить, знают ли они, откуда берутся яйца, сыр, йогурт, котлеты и другие продукты, я успокоился.

Результаты, полученные компанией Dairy Farmers, ужаснули взрослых. Приведу только один пример: некоторые подростки в больших городах Великобритании считают, что яйца несут коровы!..

2007 г.

Ночной Лондон

...То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всём земном, что есть тело женщины, никогда не написано никем.

Надо найти какие-то другие слова.

Иван Бунин (Из дневников. 3 февраля 1941 года)

Ночной центральный Лондон ярок, самобытен, окутан легендами. Кругом горят тысячи огней, слышится музыка, задорный смех. По улицам неугомонно снуют чёрные, с виду похожие на навозных жуков такси «блэк кэбы»*, за ними степенно следуют ярко-красные двухэтажные автобусы, иногда проскакивают и недавно введённые одноэтажные длиннющие гармошки, напоминающие гусениц. Здесь сотни театров, казино, всевозможных ночных клубов. Здесь тысячи пабов*, ресторанов и ресторанчиков, кафе и кафешек. На любой вкус, для любой национальности. Здесь миллионы разноязыких, разноглазых, с неодинаковым цветом кожи людей со всех пяти населённых континентов, разодетых в модные современные одежды и в экстравагантные национальные костюмы. Не удивлюсь, если где-то по берегу Темзы вразвалку пройдёт представитель шестого, ледяного континента, в своём консервативно-традиционном чёрно-белом одеянии. Ночной центральный Лондон – это город-сказка. Всяк найдёт себе забаву по вкусу.

Но есть и другой ночной Лондон. Окраинный. Бытовой.

Дом в Англии и дом в Восточной Европе – не одно и то же. Дома тут какие-то хлипкие. Вы слышите почти всё, что творится у соседа за стенкой – особенно ночью, когда город успокаивается. Стоит только немного повысить голос, скажем, во время любовной игры, и вас тотчас услышат за стенкой во всей красе – слева и справа, под вами и над вами. И это не удивительно. Внутренние перегородки сооружены из пластборта – это плиты из мела размером два на три метра и толщиной полтора сантиметра, обклеенные с обеих сторон толстой бумагой – примерно такой, в которую в советские времена заворачивали в магазинах селёдку или халву.

И люди ещё изумляются, когда в кинофильмах герой-жлобина, типа Шварценеггера, прошибает такую «толщу» с разбега. Ну и что тут удивительного? Даже я, чуть-чуть поднапрягшись, пробиваю кулаком оплот западного образа жизни. Девиз: «Моя хата – моя крепость!» – зиждется вовсе не на принципе крепостной стены, а на принципе: только дотронься до этой стены хотя бы одним пальчиком, и демократическое правосудие, – а оно действительно демократическое, – поранит тебе пальчик, а может, и вовсе оторвёт.

Лично я намаялся на первых порах из-за этих будто бы крепостных стен. Только ляжем с любимой спать, как на улице тотчас дико заорёт, чуть не лопаюсь от натуги, какой-нибудь юный любовник-гигант, привлекающий неистовым воём свою хохотушечку-возлюбленную, как это делают неко-

торые обитатели джунглей. У меня тут же притупляется интерес к любовной игре. Но это ничего. Пережить можно.

Не знаю, правда, как на это реагирует моя любимая – не осмелился спросить. Вероятно, положительно – ведь она младше ровно вдвое: мне сорок четыре, ей – двадцать два. Она предпочитает нетрадиционный способ... или это теперь, наоборот, традиционный?.. Не знаю. От меня мало что зависит. Лежу. Молчу. Худо-бедно восстанавливаюсь. Успокаиваю себя тем, что всего лишь через год, да и во все последующие годы буду старше её уже не вдвое, а всего лишь на двадцать два года. Я снова готов. Вот-вот... И тут слышу отдалённый, едва различимый стук женских каблучков. Стук приближается. Становится всё звонче и звонче. Я вслушиваюсь. Мне до невозможности хочется представить, как выглядит эта женщина. Задаюсь вопросом: молодая ли? Молодая, – отвечаю себе, – походка быстрая, лёгкая, уверенная. Интересно, какой комплекции? Стройная, – отвечаю себе, – стук чёткий, частый. Интересно, какой национальности? Ответить трудно. И всё же определяю – европейка, причём западная. Идёт нормально, обыденно – просто идёт и ничего более. Стук всё приближается, усиливается и, к моему удовлетворению, начинает постепенно затихать, удаляться. Я опять начинаю входить в норму, и тут очередной стук каблучков. Всё то же самое, но эта, готов поклясться, восточная европейка. Частит, частит... Мы ведь, восточные, вечно спешим. Мысль, что это своя, мне необыкновенно приятна. Я

начинаю представлять, как она одета, и захожу слишком далеко: я подсознательно вижу, какое на ней бельё, и даже пытаюсь зайти дальше... Мне становится почему-то стыдно. Но почему? Что тут, собственно, такого?.. Я мужчина! Почему я должен думать иначе? Почему?.. Ведь Всевышний создал их для нас из нашего же ребра! Значит, они свои. Можно о них так думать, и даже нужно. Ведь они для нас покупают эти дорогие клочки шёлка, гипюра, атласа... Именно для того, чтобы мы это обязательно увидели. Я беру себя в руки, с трудом пересиливаю стыд, успокаиваюсь. Мне снова становится хорошо. Но она уже пронеслась мимо.

Следом прошла африканка. Я в этом уверен. Сильная, мощная. Они все прирождённые спортсменки, только потренируй чуть-чуть. Нет. Спортсменки не для меня. Грубоваты.

За ней азиатка. Походка кошачье-мягкая, неуверенная, как будто чего-то боится. Одета наверняка в бесформенные шуршащие шаровары. Нет, это тоже не для меня. О-о!.. Она вдобавок не одна! Да и как ей быть одной? Непозволительно.

Я жду свою. Но идут всё чужие. Англичанки, африканки, иногда азиатки в сопровождении азиатов. На мужские шаги, а их, к сожалению, большинство, я не реагирую. А кроме них идут всё чужие, чужие...

Я нетерпеливо жду свою. И вот она! Наконец! Милая, долгожданная. Длинноволосая, с ясными широкими глазами. Высокая, с аккуратненькой упругой грудью, приподнятой чуть-чуть вверх. Стройная, с длинными гладкими нога-

ми, от которых во все стороны разлетаются невидимые искры-биоимпульсы, неминуемо попадающие прямо в сердце мужчин. И что-то ещё... потаённое, притягательное... И в белом белье. Да! В белом! Наши любят в белом. Прекрасное сочетание слов – белое бельё. Она частит, частит... приближается...

«Такая!.. Такая!.. И моя такая!..» – внутренне кричу я.

Разные

(то ли маленькая повесть, то ли очерк, то ли правдивая байка на основе реальных событий)

Мы, дюжина мужчин из восточноевропейских стран: россияне, литовцы, украинцы, русскоязычные парни из Латвии и Эстонии, и даже почти без акцента говорящий поляк – собрались на западе Лондона, где преобладают выходцы из бывших английских колоний: Индии, Пакистана, Шри-Ланки, Сомали и многих африканских и ближневосточных стран. В некоторых районах это преобладание всеобъемлющее. Если увидите европейца, не обольщайтесь – это вряд ли британец. Это, скорее всего, поляк или литовец либо украинец с купленным у литовца или поляка паспортом. Чувствуешь себя так, как будто попал на окраину индийского Бомбея* или пакистанского Карачи, а то и вовсе в пиратскую Сомали. Подавляющее большинство населения в этих районах расхаживают в своих национальных нарядах, в том числе на рабочих местах: водители автобусов и скорой помощи, парикмахеры и обслуживающий персонал в поликлиниках, продавцы в магазинах и аптеках, сотрудники метро и банковские служащие, даже полицейского можно встретить в британской форме, но в головном уборе с его далёкой исторической родины и с ещё какими-то мелкими национальными атрибутами. Сари* здесь и вовсе обычная одежда. На

улицах всюду слышатся индийские и пакистанские мелодии: из частных магазинов и лавок, из окон домов и автомобилей, из многочисленных национальных ресторанов и кафе. Всюду писклявые звуки. Всюду запахи восточной кухни с явно выраженным запахом карри*. В некоторых местах готовят прямо на улице или в маленьких киосках и передвижных автоприцепах. Пройдёшь мимо, и специфический запах надолго въедается в волосы и одежду.

Собрались мы в группу в сауне спортивного центра по одному единственному принципу, все знали один язык – самый сочный и могучий в мире! Русский! И сразу пошли разговоры...

К этим разговорам нас подтолкнули наши азиатские друзья, ни черта не понимающие в хорошей российской традиции «поддать жарку». Вот не поверите: сядут прямо на пол и сидят по полчаса на кафельной плитке. И жуют прямо в сауне помидоры, сливы, бананы, а то и вовсе бутерброды и ведут неспешные разговоры ни о чём – в основном про цены на продукты и вещи первой необходимости, как будто они находятся на знаменитом багдадском базаре... А мы-то не такие. Мы-то любим поговорить о чём-нибудь романтичном: про охоту и рыбалку, про спортивные результаты, про красивые автомобили, а ещё лучше про красивых женщин! И конечно любим брызнуть водички с каплями эвкалипта, пихты и мяты на раскалённые камни и нагнать до жути парку да помахать веничком из берёзовых или дубовых веточек. Наши

друзья тотчас вылетают из парилки, обгоняя друг друга, и бегут жаловаться менеджеру спортивного центра, как первоклассники в школе. И сколько им ни объясняй, что стучачить нехорошо – не понимают. Ну что тут поделаешь, принято у них так... Тогда заходим с другого конца. Объясняем: «Ребята, не заходите, пожалуйста, вместе с нами в парилку, раз не выдерживаете такой температуры. Потерпите несколько минут в комнате отдыха. Мы поддадим парку и убежим в бассейн с холодной водой. А вы уж тогда развлекайтесь сидя на полу да на нижней полке. Ешьте томаты, сплетничайте про соседей...»

– Да что там баня! – воскликнул однажды литовец. – Они-то и в рыбалке ничего не смыслят. Мы с другом частенько ловим окуньков и плотвичек в каналах Темзы. Так прохожие нам просто покою не дают. Таращат в страшном удивлении глаза: «О мой Бог! Вы это будете есть? Да вы что! В магазине сейчас продают лосося со скидкой!» Приходится лукавить. Говорим, что это для кошечек. Кошечкам, конечно, тоже перепадает. Но большая часть идёт на уху и на сковородку. Хорошенько прожаришь, до хрумкости – это же объедение! Натуральный продукт! Им-то и невдомёк, что этого лосося выращивают на ферме, где он гадит под себя в застоявшейся воде и там же барахтается и заглатывает всю эту дрянь и пропитывается ею.

– А кормят этих лососей чем! – поддержал земляка другой литовец. – Да чёрт его знает чем! Всякими модифициро-

ванными биодобавками, чтобы они разбухали и скорее оказывались на прилавке. Это же не рыба. Отрава!

– Не может быть, – засомневался поляк.

– Ещё как может. Я был на рыбной ферме. Видел, как там выращивают лососей. Оттого их и продают постоянно со скидкой, лишь бы побыстрее избавиться. В природных условиях надо ловить.

– Точно, – согласился поляк. – В натуральных водоёмах надо ловить. Там огромные зеркальные карпы водятся.

– Это можно, да только большинство водоёмов являются королевскими владениями. И ловят там этих натуральных и зеркальных понарошку. Целуют в мордашку, делают фотографии, рассылают друзьям и выпускают обратно в пруд. А потом едут в супермаркет покупать всё тех же подозрительных, на скорую руку выращенных лососей.

И пошло, и поехало...

– А грибы! – возмутился эмоциональный парнишка из латышского русскоязычного Даугавпилса. – Они же и про грибы ничего не знают! Шампиньоны, напичканные нитратами, жуют, и только!

– Странное это дело, – согласился с ним другой русский парень из не менее русскоязычной эстонской Нарвы. – В парках и лесах, на окраинах Лондона, полно всяких грибов. Но для них любимые нами боровички, маслятки, подберёзовики с подосиновиками кажутся совершенно ядовитыми. Не говоря уже о груздях и опятах. Я в прошлые выходные осто-

рожненько насобирали в загородном парке большой целлофановый пакет...

– Кто же в целлофановые мешки собирает грибы! – возмутился сибиряк. – Они всё качество потеряют! В корзиночку надо, аккуратненько, или на худой конец в эмалированное ведёрко.

– Я и собирал в ведёрко. Но его поставил в мешок.

– Зачем? Это же неудобно! – продолжал возмущаться сибиряк.

– Затем, чтобы местные не видели. Они толпами выгуливают собак по лесным тропинкам.

– И что тут такого? – всё ещё ничего не понимал сибиряк, совсем недавно обосновавшийся на Британских островах.

– Да ты бы видел, как они на это реагируют. Только я высыпал полное ведро грибов на траву, решив их пересортировать, как из-за куста вынырнула бальзаковского возраста леди в сопровождении собачки. Собачка тотчас кинулась к грибам и стала обнюхивать. Их запахи ей явно понравились. Но её хозяйка была в ужасе.

«O my God*! – воскликнула англичанка. – Вы это будете есть! Вы же отравитесь! Вы что, не знаете, что в супермаркетах продают беленькие, натуральные шампиньоны?»

«Ага, натуральные, – подумал я с ехидцей. – Такие же натуральные, как и лососи».

«Бросьте их! Бросьте! – завопила англичанка. – Это опасно для жизни!»

– Don't worry! Don't worry*! – завопил я в ответ. – Это для белочек*, которые живут у меня в гарде*.

«My God! My God!» – продолжала стенать англичанка и выхватила из сумочки телефон.

Я быстренько собрал грибы, засунул ведёрко обратно в целлофановый пакет и бросился наутёк. Но пока собирал, успел услышать, как она в страшном волнении за мою жизнь звонит в полицию и просит спасти человека, который непременно отравится грибами.

– Я тоже с подобным сталкивался, – подтвердил украинец. – Для них шампиньоны, выращенные в теплице, единственно съедобные грибы. А огурцы какие они едят?.. Эти огурцы больше похожи на кабачки, а то и вовсе на гарбузы*. Только такая полудеревянная еда, завёрнутая в целлофан, для них fresh food*. А те, что выращиваем мы и солим на зиму или закрываем в банки, они на полном серьёзе считают кормом для домашних птиц и скота и шарахаются от них.

– А вы понаблюдайте, как они водят автомобиль, – спокойно сказал выдержанный рижанин, – и вам сразу станет всё понятно про них. Повороты почти никогда не включают, когда меняют полосу. Габариты своей машины не чувствуют, дистанцию и разметку на дороге тоже. Я ни в одной другой стране не видел столько поцарапанных автомобилей и помятых багажников. Они же ездят по принципу своих бывших стран. У кого дороже и больше машина, тот и прав. Мест-

ные, правда, не лучше. Как черепахи медлительные. Займёт крайнюю полосу и пилит, как на ишаке. Ни сам не едет, ни другим не даёт. А паркуются как... Лишь бы его машине места хватило.

– Это точно. Себя родного они любят больше всего. Их дежурная фраза «Хау а ю, май фрэнд?»* и дежурная, слащавая улыбка, принудительно заученные ещё в школьные годы, совершенно ничего не значат. Только для отвода глаз, – заговорил всё время помалкивавший крымчанин из Алушты с обострённым чувством дружбы – дружбы настоящей, в нашем понятии. За друга – в огонь и в воду.

И опять все оживились. А минутой ранее, казалось, запал иссяк.

– Да они в само слово дружба вкладывают совсем другое понятие, чем мы. У них друг не тот, кто за тебя горой встанет, а тот, кто улыбнулся пару раз.

– Любого именуют френдом: сотрудника по работе, с которым перебросился всего-то парой фраз, малознакомого соседа, с которым обменялся улыбками всего-то пару раз, а то и вовсе случайного знакомого, с которым однажды посмотрел футбол в пабе* в одной компании.

– Вот меня, к примеру, нередко спрашивают в России: «А правда, что брат может потребовать с брата деньги, если придет к нему и привезёт пару бутылок пива?» – «Может, – отвечаю, – и брат с брата, и отец с сына, и сын с отца...» Хоть сто раз расскажи нашим про это самым убедительным обра-

зом, всё равно будут тарашить на тебя глаза в удивлении и недоверии. Дескать: «Да разве может быть такое?..»

– А я привожу в пример, как один мой товарищ по работе весь день докучал молодому англичанину, у которого был день рождения, одним и тем же вопросом: «Что тебе подарит бабушка?»

«Ничего не подарит, – спокойно ответил паренёк, несколько не смущаясь. – Она мне никогда ничего не дарит».

«А другая бабушка?»

«И другая ничего».

«Да как же это? Не может быть!» – восклицал каждые полчаса мой товарищ – настолько эта ситуация казалась для него неправдоподобной. Ведь для нас это просто немыслимая ситуация. Кто угодно может оставить тебя в день рождения без подарка, только не бабушка!

– У них во время свидания девушка платит наравне с парнем: и в кино, и в кафе.

– Да что там в кафе! Даже когда ведёт её на ночь в отель!.. Даже за это она платит половину суммы!

– Поэтому они и кормят их жидкими супами из пакетиков, больше похожими на помои, да безвкусными полуфабрикатами!

– Стоп, стоп, – остановил чересчур субъективную критику рассудительный крымчанин. – А сами-то мы какие?

Действительно. Сами-то мы какие?

Мы, вероятно, дикари, с точки зрения местного обывателя. Обжигаем в бане своё тело паром, хлёсткими ударами веника и ледяной водой. Сами ловим рыбу. Сами собираем грибы. Сами ремонтируем свои автомобили и свои жилые помещения. В отношениях с женщинами и вовсе сумасшедшие: платим за них в ресторане, отвозим домой на такси за свой счёт, покупаем им по любому поводу подарки... Наши подруги тоже какие-то ненормальные: в любой клочок свободной земли, пусть и на съёмной квартире, стараются воткнуть лучок и чесночок, укропчик и петрушечку... по собственной инициативе часами стоят на кухне и варят разнообразные супы и борщи, изобретают какие-то хитрые салаты, пекут всевозможные пирожки и тортики и даже самостоятельно перемалывают мясо на фарш. А уже из фарша чего только не придумают!..

Мы и правда разные. Западные и восточные. Без сомнения, разные. У них свои заморочки, у нас – свои. Мы про свои заморочки, разумеется, хорошо знаем, но критиковать себя шибко не станем. Как принято говорить: «Своя рубашка ближе к телу».

Дорожные истории

Настенька

1

Георгий Крылов спешил на Родину, на юбилейную встречу со школьными товарищами, и то и дело порывался разогнать свой автомобиль до максимально разрешённой скорости, только сделать это было непросто. Дорога шла на юг, была неровной и частенько исчезала из виду за многочисленными крутыми поворотами и затяжными подъёмами. Крылов нервничал, но поделаться ничего не мог. Впереди него, в конце длинного подъёма, маячил КамАЗ. Он надрывался от рёва, был окутан чёрным облаком и, казалось, завис на одном месте. Вслед за ним тянулась вереница быстроходных легковушек разных «мастей», водители которых тоже нервничали – многие спешили к Чёрному морю и терять драгоценное отпускное время из-за старого тихохода, утонувшего в клубах едкого дыма, не намеревались. Они вскоре пошли, один за другим, презрев от отчаяния правила дорожного движения, на опасный обгон. Следом за ними потянулись дальню-

бойщики на «Сканиях», «Вольво», «Рено»... И даже нервы тракториста новенькой «Беларуси» не выдержали – он тоже попытался сделать обгон.

Крылов спешил, но ехал по правилам. Он уже несколько лет жил за границей и привык к дисциплине. А на каждом следующем подъёме был очередной поезд из нескольких десятков быстроходных автомобилей-вагонов, тащившихся за очередным паровозом-КамАЗом. Такое безобразие выдержать было невозможно. Не выдержал к середине дня и Крылов. Он пристроился в хвост к двум очередным отпускникам и, лавируя, стал то и дело пересекать вслед за ними сплошную полосу и обгонять тихоходов. Они волнообразно прошли на большой скорости один подъём, второй, третий...

На четвёртом их поджидал жигулёнок ДПС*, который уютно устроился багажником в лесополосе – только капот слегка торчал из-под арки уже отцветавших акаций. Из жигулёнка тут же выскочил патрульный с большущим радаром и остановил лихачей. Он не спеша подходил к нарушителям и вежливо представлялся. Когда очередь дошла до Крылова, он спокойно подал документы отдавшему ему честь старшему лейтенанту и чистосердечно извинился за своё хулиганское поведение.

Старший лейтенант улыбнулся, но в ответ ничего не сказал – он пристально и очень медленно рассматривал документы. И как только Крылов занервничал, сразу оживился:

– Что же вы, господин Крылов, нарушаете правила дорож-

ного движения? Это опасно для жизни! И не только для вашей!.. Придётся заплатить штраф.

– Сколько? – с готовностью открыл портмоне Крылов, желая как можно быстрее загладить вину.

– Пятьсот рублей. Но платить надо не мне.

– А кому?

– В городскую сберкассу. Я выпишу квитанцию. Оплатите её и получите права обратно.

– Но я уже проехал город! – испугался Крылов – ему никак не хотелось возвращаться обратно и снова преодолевать крутые повороты и подъёмы позади какого-нибудь грохочущего и несносно дымящего тихохода.

– Ничего не поделаешь, такие правила.

Крылов чертыхнулся и запустил двигатель.

– Не торопитесь. Сегодня воскресенье, сберегательная касса не работает, – подсказал ему старший лейтенант.

По взмокшей от жары и нервного напряжения спине Крылова пробежал холодок, но он тотчас взял себя в руки, присоединил к новенькой пятисотрублёвке ещё одну и вкрадчиво спросил:

– Нельзя ли, в виде исключения, заплатить на месте?

– Иди в патрульную машину. Там старший, с ним и разберёшься, – бросил старший лейтенант Крылову на колени его документы и остановил новую группу лихачей, выскочивших из-за старика КамАЗа.

Крылов побежал к патрульному жигулёнку, нежившему-

ся в прохладной лесополосе, без колебаний открыл дверцу со стороны водителя и на мгновение застыл – на заднем сиденье развалился, с нагловатой усмешкой, старший сержант. Не обнаружив другого старшего, Крылов молча сунул ему деньги и побежал обратно, быстрее прежнего.

Теперь он ехал осторожно. И чтобы не умереть от тоски, с любопытством разглядывал обочины, превращённые жителями Ельца, Воронежа и других населённых пунктов поменьше в сплошной базар. Чего тут только не продавали! Пряники и пирожки, кукурузу воздушную и кукурузу пареную в початках, дыни и арбузы, рыбу и раков, грибы, огурчики и помидорчики, консервированные в банках, картошку, лук, кабачки, яблоки и груши в вёдрах... Мёд, растительное масло и сгущённое молоко в пластиковых бутылках из-под напитков. А ассортимент самих напитков был ещё более велик – просто невозможно было сразу все рассмотреть и упомянуть названий. На вещи он старался внимания не обращать – они были турецкие и китайские, низкого качества и его совсем не интересовали. Кое-где среди этого пёстрого разнообразия стояли длинноногие девчонки.

«Может, взять какую-нибудь попутно?.. Всё веселее будет, – подумал Крылов, но тут же отогнал эту мысль. – Нет, так я вовсе не доеду». Он продолжал терпеливо тащиться среди разношёрстного пыльного пелотона и изучать российский дорожный рынок. И тут в голову неожиданно ворвалась крамольная мысль: «А может, гнать напропалую? Ну, запла-

чу ещё пару раз штраф, зато успею на встречу».

Он так и сделал. И только когда до конечной цели осталось менее ста километров, сбросил скорость и увидел на обочине робкую, худенькую девчонку. Он резко затормозил, сдал немного назад и галантно предложил:

– Садись. Бесплатно подвезу.

Девчонка заколебалась.

– Садись-садись. Не обижу, – пообещал Крылов, меняя тон.

Девчонка нерешительно села в салон и в волнении принялась поправлять полупрозрачную коротенькую юбочку из китайского бледно-розового ситца с птичками по подолу и такую же полупрозрачную розовую маечку, через которую отчётливо просвечивался белый лифчик, под которым прятались тугие, не по фигуре объёмные грудки. Потом мельком взглянула на восторженное лицо Крылова, немножко успокоилась и стала ловко поправлять длинные волосы, разбросанные по спине.

– Ты спешишь, ехать побыстрее? – осведомился Крылов, не сводя с неё удивлённого взгляда. Девчонка оказалась прекрасным лебедем, а не гадким утёнком, как ему вначале представилось. В её фигуре всё было в меру, и чувствовалось, что она с годами ещё похорошеет.

– Не надо, – улыбнулась она, окончательно успокоенная его доброжелательным голосом. – Мне не к спеху.

– Зовут-то тебя как, путешественница?

– Настенька. Ой!.. – вдруг сконфузилась девчонка. – Настенькой меня называют только папа с мамой да бабушка, к которой я сейчас еду.

– Настенька... Настя... Анастасия... Чудное имя... – задумчиво произнёс Крылов, и взгляд его невольно упал на аккуратненькие, не по-девичьи округлые коленки попутчицы и никак не хотел отрываться от этой свежей красоты.

– Собачка! На дороге собачка! – закричала Настенька.

Крылов инстинктивно, не успев даже взглянуть на дорогу, ударил ногой по педали тормоза. Автомобиль качнуло и понесло на обочину.

Девчонка за разговором забыла пристегнуть ремень безопасности, и её бросило на Крылова. Она как ребёнок обхватила его обеими руками за шею и висела на нём даже тогда, когда автомобиль благополучно остановился. Она доверчиво прильнула к его слегка заколосившейся щетиной правой щеке своей нежной, шелковистой щёчкой, тоже правой, и, трепеща, вжалась в него остренькими девичьими грудями. От её тела пахло юностью, полем и чем-то ещё, Крылову совсем незнакомым.

Он затаился, ему были необычайно приятны её прикосновения. Он боялся ворохнуться и отпугнуть от себя это ангельское создание.

– Собачка живая? – спросила она, не разжимая рук и не открывая глаз.

– Живая... – не шевелясь, прошептал Крылов.

Девчонка успокоилась, но цепкие, ласковые ручонки разжала не сразу. Подержалась за него ещё минутку, длинно и глубоко набрала в себя воздух через остренький носик, холодный кончик которого – почему-то холодный, тогда как всё тело было горячим, колот шею Крылова чуть пониже уха, создавая эффект наркоза. Он в ту минуту на самом деле был будто в наркотическом состоянии. А она набрала в лёгкие воздух ещё раз, так же длинно и глубоко, села на место и расторопно пристегнулась ремнём безопасности.

– Путешественница, ты бы рассказала что-нибудь, – попросил Крылов.

– Лучше вы расскажите. В вашей жизни точно было больше интересного, чем в моей.

«А почему бы и не рассказать, не порадовать это милое создание своими байками?..» – подумал Крылов и стал рассказывать. Он побывал во многих странах, видел много разных людей, испробовал много разных профессий и много чего знал о жизни. Он был великолепным рассказчиком. Говорил с душой, ярко, с многочисленными примерами и выводами, быстро, чётко, и, самое главное, девчонка не отрывала от него восхищённых глаз. А Крылов говорил, говорил и говорил – его жизнь была бурной и неоднозначной, но удавшейся, как он сам считал. Ему действительно было что рассказать. Он темпераментно рассказывал и чувствовал, что против своей воли влюбляется.

– Всё. Не могу больше. Устал, – проворчал он, сознатель-

но сухо, когда глаза Настеньки совсем заблестели. – Теперь твоя очередь.

Она отрицательно покачала головой, и её мягкие русые волосы веером заскользили по ровной спине и плечам и закрывали от Крылова, когда голова шла вправо, раздумываясь, милое его взгляду личико.

– Почему?! – воскликнул он с нескрываемым огорчением. – Мне совершенно нечего сказать после вас.

– Тогда помолчим, – обиженно буркнул Крылов и откинул голову на спинку сиденья.

Девчонка достала из большого целлофанового мешка с видом Эйфелевой башни на лицевой стороне толстую, иллюстрированную цветными фотографиями газету, и стала читать. Сначала невнимательно: взгляд её то и дело падал на дорогу или на Крылова. Потом увлеклась и забыла и про дорогу, и про Крылова...

Крылов искоса глянул на верхнюю часть страницы и заметил подзаголовок: «Интим-клуб».

– Тебе нравится секс? – удивился он.

Настенька засмушалась и ничего не ответила. А Крылов подумал: «Да она, наверное, ещё и не знает, что это такое». И неожиданно ляпнул это вслух.

– Ну почему же? Я замужем! – гордо ответила попутчица.

– Значит, можно!.. – обрадовался Крылов и зарулил в ближайшую рощицу.

– Нет. Нельзя... – неуверенно проронила она, и это скорее

прозвучало как: «Да. Можно».

Но Крылов уже успел взять себя в руки и вырулил обратно из рощицы.

– Хочешь поехать со мной? – с затаённой надеждой посмотрел он на свою хорошенькую попутчицу.

– Куда? – с радостью встрепенулась она.

– Я еду на встречу со школьными друзьями.

– Это будет не совсем удобно. И мне, и вам.

– Да, это не совсем удобно, – с сожалением вздохнул Крылов и поинтересовался: – Тебе ещё далеко ехать?

– Нет, я уже приехала. В деревеньке, что напротив, живёт моя бабушка. И дальше я пойду пешком, – твёрдо сказала Настенька и тоже с сожалением вздохнула.

Крылов наклонился над её коленями и помог открыть дверцу автомобиля. Девчонка непринуждённо выпорхнула из кабины и застыла, будто повисла в невесомости. Лёгкий летний ветерок ласково трепал её розовую юбчонку, и она напоминала, в своей невесомости, прекрасную розовую бабочку. Крылову стало не по себе от этой юной красоты, и он поспешил тронуться с места. На ближайшем повороте дороги он всё же глянул в зеркало заднего вида – Настенька стояла на прежнем месте и смотрела вслед. Сердце его тотчас защемило какой-то непонятной, радостной болью. Он затормозил и включил дрожащей рукой заднюю передачу.

– Послезавтра, в полдень, я буду возвращаться. Мы можем встретиться ещё раз, – сказал он через окно и сорвался с

места ещё быстрее, чем в первый раз. У него не было больше сил видеть этот свежий, прекрасный цветок и не держать его в своих руках.

Крылов повидал одноклассников и одноклассниц, вволю наобщался с ними и окончательно остыл. Он возвращался в указанный день через указанное место, но умышленно ехал четырьмя часами позже.

«Зачем мне тревожить девчонку, да и себя тоже... – думал он. – А так, даже если она и придёт, подождёт часик и уйдёт. Конечно, она сочтёт меня сволочью, но это, в данной ситуации, пожалуй, к лучшему...» Ему от этой мысли стало немного легче, он покопался в бардачке и достал аудиокассету. Он частенько, как и многие россияне, страдал ностальгией. В такие минуты были очень кстати мелодичные песни довоенных и послевоенных времён. Их любил слушать его отец и теперь, с тоской вспоминая беззаботные годы детства и отрочества, любил слушать он. Ведь он тоже вырос в той, уже не существующей стране.

Он вставил кассету с ремиксами в магнитоу. Из динамиков тотчас поплыла лиричная, берущая за душу мелодия и следом раздался приятный, бросающий мурашки по телу голос Лещенко:

Почему ж ты мне не встретилаь юная, нежная...

В те года мои далёкие, в те года вешние?..

Голова стала белою, что с ней я поделаю?..

Почему же ты мне встретилаь лишь сейчас?..

«Да, я не должен с ней больше встречаться...» – утвердился в своём мнении Крылов, но в голову вдруг влетела другая, шальная мысль: «А если она не ушла?!» И в груди у него опять защемило, как в прошлый раз, при расставании – радостно и в то же время тоскливо. Он встряхнулся и увидел на обочине Настеньку. «Надо проскочить!» – подумал он, но до боли в пальцах сжал руль и остановился.

*Я забыл в кругу ровесников, сколько лет пройдено.
И об этом мне напомнила юная, стройная...*

Страдал Лещенко.

Настенька решительно села в кабину. Глаза её были мокрыми. Она ладошками стёрла с них слёзы и тихо сказала:

– Вези в рощу.

Крылов, этот монстр в мужском обличье, растерялся – он не знал, что и сказать.

– Вези! – повторила Настенька.

Крылов послушно заехал в рощу, выскочил из кабины и в растерянности присел на капот. Настенька тоже выскочила и кинулась к нему. Крылов спрятал её лицо у себя на груди и успокаивающе шепнул ей в маленькое, по-детски розовое ушко:

– Не надо. Ты любишь мужа.

– Нет! Я люблю тебя!

– А как же он?

– Я ушла от него.

– Почему?

– Да потому что не люблю!

– Но ты же говорила любишь! – оторопел, совсем сбитый с толку, Крылов.

– Это вышло случайно. Все девчонки нашего двора были без ума от него. Он играет на гитаре, поёт... И они все хотели за него замуж. А он выбрал меня. Подругам стало завидно, и я сдуру согласилась. Мне казалось, что я тоже люблю его... Но теперь-то я знаю, что люблю тебя. Сразу полюбила! С первого взгляда! Бывает же такая, случайная любовь с первого взгляда! Ведь писатели же пишут про это в книжках! Неужели они всё это выдумали?

– Что-то выдумали, что-то приукрасили, а что-то и на самом деле было. Абсолютно всё трудно придумать. Всегда сверкнёт какая-то искра, заставившая автора взяться за перо.

– Вот видишь!

– Вижу. Но ведь я старше тебя вдвое. Да и что ты, в конце концов, могла найти во мне? Как говорится: «Рожа да...»

– Замолчи! – перебила его Настенька. – Я люблю тебя таким, какой есть. И возраст здесь ни при чём. Я люблю всё! Я люблю твои хитрые, жутковатые глаза. Я люблю твой колдовской голос. Я люблю твои крепкие... – вздрогнула она, но прижалась ещё ближе, – ...бесстыжие руки... И запах! Я люблю твой запах! Я читала: женщины всегда по-настояще-

му влюбляются по запаху. Только они сами этого не знают. А я знаю.

– Ты уже успела обнюхать меня? – удивился Крылов.

– Ещё тогда, – торжествующе улыбнулась Настенька, – когда собачка выскочила на дорогу.

– Настенька, милая! Я тоже буду звать тебя Настенька! Можно?.. – бессвязно забормотал Крылов, теряя рассудок.

Настенька утвердительно кивнула, обернулась и радостно охнула.

3

В обратном направлении Крылов гнал ещё быстрее. Он весь горел. Он никогда не испытывал столь ярких, оглушающих разум чувств. Это был удар грома со снопами жгучих молний, сразу во все органы чувств. В глаза, в уши, в нос, в руки, в сердце, в мозг – в сознание. И даже не в сознание, а куда-то дальше – в подсознание. Он любил образ, он любил голос, он любил запах, он любил прикосновения, он чувствовал радость и тоску. Он точно знал, что ранее ничего подобного не было. И нутром чувствовал – ничего подобного уже и не будет. Но он знал и другое – назад возвращаться нельзя. Сейчас он бодр и полон жизненных сил. Сейчас. Но через десять лет ему будет далеко за пятьдесят, а ей ещё не будет и тридцати. Он не хотел, чтобы она в будущем тяготилась его годами. Он опять нажал на кнопку PLAY, и Лещенко про-

должил свои и его страдания:

Ты ещё моложе кажешься, если я около.

Видно, нам встреч не праздновать.

У нас судьбы разные.

Ты любовь моя последняя... Боль моя...

В его глазах стояли слёзы.

– Что делать?.. – в отчаянии спрашивал он себя. – Может, вернуться прямо сейчас?.. Ну его, этот Лондон!

Но внутренний голос ответил за него:

– Нет. Пусть решит время.

Утро на британской железной дороге (в сокращении)

Когда Виталий Иванов приехал на Туманный Альбион, он был совершенно не готов к условиям местной жизни и на первых порах подрабатывал на частной стройке декоратором*, как и многие другие выходцы из восточноевропейских стран. Жил он в южной части Лондона, в центре знаменитого района Уимблдон, а на работу ездил ещё дальше – на самую окраину.

Рано утром лондонские электрички обычно опаздывают на несколько минут, особенно в южном направлении, из-за чего Виталий однажды застрял на пересадочной станции Баллам на целых полчаса. Он нервно ходил по перрону из одного конца в другой и то и дело с надеждой поглядывал на табло: все британские эмигранты панически боятся потерять работу, какая бы она ни была тяжёлая и нелюбимая – это автоматически выбрасывает человека на улицу и даже вовсе из страны. Вскоре Виталий не выдержал, выхватил из кармана телефон и отыскал на экране надпись BOSS*. Его виноватая, сбивчиво-корявая английская речь насмешила начальника строительной бригады, и он благодаря этому добродушно и коротко буркнул, словно два раза нехотя рыкнула большая ленивая собака: «OK. No problem».*

Виталий с облегчением выдохнул из лёгких надолго за-

держанный воздух и плюхнулся на первую попавшуюся скамейку, на другом краю которой сидели, плотно прижавшись друг к другу, три юные девчушки. Все как на подбор: невысокого росточка, стройненькие, с одинаковыми белокурыми причёсками с хвостиком, в одинаковых бело-красных спортивных курточках, в джинсах и кроссовках. Выглядели они утомлённо. Говорили тихо и неторопливо. О чём и на каком языке, Виталий вначале не расслышал. Да и не вслушивался. Он только с сожалением подумал: «Бедные девчонки, в такую рань едут на работу! А вечером ещё в колледж!» – и, нахлобучив на глаза бейсбольную кепочку, стал с наслаждением думать о приближающемся отпуске.

Девчонки приняли Виталия за чужого и заговорили чуть громче, и он отчётливо расслышал русскую речь, с заметным украинским акцентом. Эти крошки рассказывали друг другу с подробностями, что с ними в эту ночь вытворяли солидные дяденьки, гораздые на выдумку. Разговаривали они непринуждённо, обыденно, как троечка хороших хозяйшек, обсуждающих на кухне секреты нового салата.

Виталий был обескуражен. Девушки ехали спозаранку во все не на работу, в одно из многочисленных лондонских кафе или гостиниц, как это делают многие студентки – они ехали с работы! Он вскочил, не в силах более слушать пикантные подробности, и увидел свою электричку, подходящую к перрону. Он зашёл в последний вагон, уютно уместился на мягком сиденье у окна и закрыл глаза. Но помечтать об

отпуске ему опять не удалось. Плавно тронувшийся поезд неожиданно затормозил. Три подружки сидели, сжавшись в комочки, на прежнем месте, как раз напротив Виталия.

«Я могу помочь, звоните...» – стал он быстро выводить пальцем на потном стекле, искренне сочувствуя девчонкам. Но поезд тронулся так же резко и неожиданно, как и остановился, и он не успел написать номер телефона.

Виталий несколько дней не находил себе места, был уверен – девчонок запугали и эксплуатируют.

На южной окраине Лондона он работал ещё более месяца и всё искал на платформе девчонок, но так и не нашёл. Он встретил их гораздо позже, на другой станции и сразу предложил помощь.

– Он мент! Из наших! – выкрикнула одна из них, и они все разом стали пятиться и озираться по сторонам.

– Нет-нет! Я бывший военный! – выкрикнул в ответ Виталий и показал удостоверение.

Девчонки внимательно, по очереди, изучили удостоверение, но их сомнение не прошло. Они потребовали местный документ. И он у Виталия был. Самый надёжный на острове – британское водительское удостоверение*. Девчонки тотчас успокоились и стали приставать к новому знакомому с совершенно неожиданной для него просьбой – они хотели нелегально* привезти в Англию свою четвёртую подругу.

Но подруга, к большой радости Виталия, уже никуда ехать не хотела.

«Мне и дома богатых хватает!» – гордо заявила она, когда девчонки позвонили ей.

Запах Родины (в сокращении)*

*Товарищу по литературному творчеству,
поэту-земляку Алексею Алексеевичу Лавронову*

Предисловие

Это повествование двойное. Тут и лично пережитое, и то, что довелось услышать. За пережитое лично отвечаю перед вами, дорогие читатели, полностью. А за то, что довелось услышать – не обессудьте: что слышал, то слышал.

*Поднимая тяжёлые кисти
Выше самых высоких оград,
Ловит солнце ладошками листьев
За окошком моим виноград.
Не в ладу с этим летом, а в споре
Утомлённый жарюю народ.
Одних так и тянет на море,
А других – лишь в свой огород...*

Алексей Лавронов

Одним затыжным, доволно быстрым рывком проскочил по гладким и широким дорогам Западную Европу, и на латышско-российской границе опешил – в очереди более сотни легковых автомобилей*.

Без особого энтузиазма припарковался за последней машиной с латышскими номерами и пошёл осмотреться.

От конца и до начала очереди было всего три автомобиля с отпускниками, включая меня. Остальные спешили в Россию за жидкой валютой.

– Сколько придётся простоять? – осведомляюсь на всякий случай у сбившихся в кучку суетливых мужичков.

– Часов девятнадцать-двадцать, если повезёт.

– А если не повезёт?

Любители чужого дешёвого топлива с ухмылками пожимают плечами и предлагают мне, «всего лишь» за пятьдесят евро, стать в первую десятку.

– А сколько в этом случае простою? – догадываюсь спросить.

– Часа два...

«Бог с ними, с пятьюдесятью евро, – решаю для себя, – отдам».

Но в последнюю секунду совесть запрещает платить шарлатанам. Прошусь на аудиенцию к пограничникам, пытаюсь

объяснить, что я не за российским бензином и водкой, что таких, как я, всего трое, хорошо бы всех пропустить без очереди и никакого урона от этого ни пограничникам, ни латышам-бензовозам не будет.

– Да ты что! – возмутились пограничники. – Мы даже немца не пропустили!

От безысходности показываю удостоверение члена Международного Союза литераторов и журналистов и докладываю, что еду из Лондона в редакцию московского уважаемого журнала на ответственное мероприятие.

– А нам какое до этого дело? – усмехнулся старший по званию.

– Лично вам никакого, – спокойно отвечаю. – Только из-за этого может упасть имидж погранично-таможенной службы, да и Латвии в целом. Пресса всё-таки, напишут про это.

Пограничники меняют тон, начинают куда-то звонить на тягучем, совершенно непонятном мне языке, несмотря на то что я свободно владею схожим литовским. И чудо свершается. Пропускают-таки!

Латыши-бензовозы, прознав про такое дело, напряглись похлеще пограничников. Краткосрочные поездки в Россию для них хлеб насущный: выскакивают порожняком к ближайшей бензоколонке, заливают доверху бензобак и дополнительно разрешённую канистру, там же прикупают ещё что-то легкопереводимое в валюту – водку, сигареты... и на всех парах обратно в Латвию. А если удастся продать очередь в

первой десятке «всего лишь» за пятьдесят евро, и того лучше... И так каждый день!

Мои чистосердечные извинения, с шутками и прибаутками, быстро успокаивают бензовозов. Они почти все из Латгалии*, поэтому на весёлую русскую речь реагируют тоже весело и непринуждённо.

Дорога по Псковской и Тверской областям узкая и во многих местах весьма неровная – середина выпуклая, края окрошены, всюду бугорки, ямки, шероховатости, россыпи щебня, так и норовящие подскочить под колёсами встречного транспорта и угодить в лобовое стекло.

В некоторых местах, правда, проскакивают хорошо отремонтированные участки, да ещё кое-где продолжается ремонт – это радует глаз, но затрудняет движение и пощипывает нервы. Одно только скрашивает нудную ночную поездку, заставшую меня на середине пути – трасса не особо извилистая и автомобилей на ней совсем мало.

Качает, болтает, подбрасывает, но летишь практически без помех и в Московской области налетаешь на приличный, почти европейского уровня автобусник, который скоро перерастает в настоящий автобан. С облегчением выкрикиваю: «Наконец-то! Теперь легче будет!»

Да не тут-то было! На кольцевой случайно замечаю позади себя подозрительный BMW. Приклеился как хвост и будто чего-то ожидает. На всякий случай меняю полосу – он

тоже меняет. Моё подозрение усиливается. Я снова, как бы невзначай, меняю полосу. И он меняет. Включаю аварийные огни, ухожу в середину кольцевой, чтобы не прижали, начинаю тормозить..., даю понять: я догадался! Позади мгновенно прочитали сообщение. Слева и справа тотчас уходят вперёд, увеличивая скорость, два абсолютно одинаковых чёрных BMW – о втором я даже не подозревал, – и приклеиваются впереди к какому-то тёмному автомобилю. Разглядеть марку и номера в ночи не удаётся. Они на большой скорости скрываются из виду...

С сожалением вздыхаю: «Заметит ли тот, впереди, погоню? И увернётся ли от подставы?..» Я тоже начинаю ускорять движение и в очередной раз убеждаюсь, что это великолепное средство для снятия стресса. Постепенно успокаиваюсь и ловлю себя на мысли: «Не похож я, видимо, на британца. Иначе, не приклеились бы, паразиты! И когда только найдут на них действенную управу?..»

От Москвы на юг ситуация другая. Дорога хорошая, широкая, с разделительными ограждениями, отличными разметками и подсветками. Видно, что страна активно и успешно готовится к Олимпиаде.

Проблема на этой дороге иная. Чем дальше к югу, тем больше людей в форме. Вскоре начинает преследовать навязчивая мысль: «На охоту они вышли, что ли?..»

Как только заметят чужие номера, водителю тотчас обеспечена душещипательная беседа – это в том случае, ес-

ли совсем не к чему придаться. И всё-то им любопытно. И почему у британцев сзади жёлтые номера? И почему такое маленькое водительское удостоверение? И почему технический паспорт на листе бумаги? А могли бы сами знать по долгу службы. Или, на худой конец, любопытства ради и не цеплялись бы с неприличными провокационными вопросами: где и за сколько купил? Зато сразу чувствуется: домой приехал. Только из-за этого на время можно забыть все неурядицы. Запах Родины дороже всего!

2

Я искренне люблю свою Родину и каждый год посещаю её, чего бы мне это ни стоило. Это моё кредо. Мне необходимо поговорить с мамой, побывать на могиле отца, испить родниковой водицы из глубинного колодца, выбитого родительскими руками, съесть плод с фруктовых деревьев, посаженных родительскими руками, и хорошо выспаться в отчем доме, сработанном родительскими руками. Мне также необходимо встретиться с друзьями детства и юношества и зарядиться от них живой, доброй энергией. А Родина встречает и провожает меня порой своеобразно. Всё начинается с паспортного стола. Мне туда, собственно, не обязательно. Мама должна написать заявление, что согласна приютить родного сына в родном доме на недельку-другую.

Принимают нас всегда добродушно, терпеливо разъясня-

ют частенько меняющиеся правила регистрации, интересуются зарубежными новостями. Но в этот раз как-то не заладилось – старший инспектор, обычно принимающая нас, была, к сожалению, в отпуске.

Заходим в кабинет. В кабинете сидят рядышком за одним столом молоденькая девушка и парень. Увлечённо шепчутся.

Докладываем:

– Прибыли, – дескать, – на регистрацию.

– Подождите десять минут, сами позовём, – нехотя буркнула девушка, едва взглянув на нас.

Проходит десять минут. Затем ещё десять... пятнадцать... двадцать... тридцать... Никто не зовёт. Набираюсь нахальства, вежливо спрашиваю:

– Не примут ли, Христа ради, а то бабушке по хозяйству пора хлопотать?

В ответ удивлённые взгляды:

– А что вам надо?

– Регистрация, что же ещё!

– А это не к нам. Это в соседний кабинет, к начальнику.

– Ёлки-палки! – расстроился я. – Столько времени истратили понапрасну!

Заходим в соседний кабинет – за столом крепко сбитый, чуть более полутораметровый, бесконечно важный капитан. Даже некоторый страх охватил. Мимолётом бросаю взгляд на стену, увешанную грамотами, и успокаиваюсь: «Всё в порядке. Люди вон сколько наград получили за хорошую рабо-

ту!»

Капитан не обращает внимания на приветствие, строго требует документы. Медленно листает паспорт. Важничает.

Я тем временем успеваю ещё раз взглянуть на стену с грамотами – это, оказывается, личные награды капитана по стрельбе из пистолета, зачем-то вывешенные в паспортном столе. Для устрашения, что ли?..

«Всё, – думаю, – не избежать канители».

Так и есть. Начальник темнеет лицом, приподнимается с места, с каким-то затаённым смыслом начинает усложнять ситуацию.

– Где болтался три дня?! Почему вчера не прибыл на регистрацию?!

– Так во второй половине дня приехал, ближе к вечеру.

– А паспортный стол до восьми открыт! – всё суровеет и суровеет капитан.

Мама в панике. Закон ей в данном случае непонятен. Плачет:

– Да как же это?.. Родному дитю нельзя приехать в родной дом к родной матери?..

Мне вынужденно приходится перенимать инициативу.

– Извините, – говорю капитану, теряя некоторую вежливость, – паспортный стол, может, до восьми открыт для уборки помещений или ещё каких-то мероприятий, но лично вы принимаете до шестнадцати ноль-ноль. Я человек наблюдательный, заметил табличку на дверях. И в законах маленько

разбираюсь. Зарегистрироваться необходимо в течение трёх суток по прибытии в конечный пункт, а не с момента пересечения границы. Это написано на обратной стороне иммиграционной карты. А раз начальник этого не знает, мне придётся обратиться к более высокому руководству...

Чрезвычайно суровый начальник утихает, без лишних слов выполняет свои обязанности и попутно интересуется дружеским тоном маркой моего автомобиля.

– И зачем ему это? – удивляюсь я в коридоре.

– Так он же бывший инспектор ГИБДД, своим даст знать, – с сочувствием шепнул пожилой сердобольный казак, всё слышавший через приоткрытую дверь, – и от моего сердца сразу отлегло.

– Ах вот в чём дело! Что с них, с инспекторов, – говорю, – спросишь. Такая у них психология.

– Ну да, – охотно согласился казак, – такая у них психология.

– Не бери ты всё близко к сердцу. Напиши очередную хуторскую байку и сразу повеселеешь, – советует мне мой близкий друг, прекрасный поэт, человек с хорошим чувством юмора Алексей Алексеевич. – Кстати, хочешь расскажу смешную историю про твоего земляка Воротникова?.. – изучающе посмотрел он на меня и, не дожидаясь ответа, начал:

– Сидит как-то вечерком Воротников с женой своей Ма-

рьей у телевизора. Тихо, мирно, чаёк попивают. И тут, ни с того ни с сего, страшный-престрашный грохот за стеной. Светопреставление прямо. Стена лопается, шкаф с посудой валится на пол, стёкла из окон сыпятся... Жена завывает, по комнате мечется как угорелая. «Караул!..» – кричит. А Воротников как ни в чём не бывало чаёк попивает в кресле и спокойненько, тихим баском говорит: «Марусенька, солнышко, в шкафу недопитая бутылочка стояла, посмотри, пожалуйста, – не пролилась ли водочка?..»

Я вздрагиваю от смеха, но Алексей Алексеевич останавливает мой порыв вытянутой вперёд рукой.

– А в это время как раз заглянул в трещину в стене на смерть перепуганный шоферишка, врезавшийся в дом, и, заикаясь от испуга, спрашивает: «Не подскажут ли хозяева, как проехать в райцентр?»

– А это мимо шкафа. И нигде не сворачивай, – отвечает Воротников.

Я забываю про всё на свете. Хохочу до слёз.

3

На следующий день еду в областной центр на автобусе. На своём автомобиле накатался вволю – не хочется то и дело останавливаться и долго объясняться.

Сажусь на последнее сиденье, достаю бутылочку холодной минеральной воды, которую в несносную степную жару хо-

чется осушить немедленно, до последней капельки. Делаю глоток, другой... и взгляд падает на табличку впереди – рядом с водителем:

Семечки, орехи, бананы употреблять с кожурой, напитки – с бутылками, конфеты – с фантиками.

«Любой юморист включил бы такое объявление в свой концерт», – мелькает мысль. Желание выпить воду до последней капельки сразу исчезает. Закручиваю бутылочку, прячу в дипломат.

На обратном пути снова заезжаю к Алексею Алексеевичу по его официальному приглашению. За шашлыками и рюмочкой красного марочного вина приходим к обоюдному мнению: вчерашних баек про Воротникова явно недостаточно для полноценного рассказа.

– Так и быть, подарю тебе ещё одну смешную историю, – проявляет Алексей Алексеевич полное гостеприимство. – Про фронтовика Кайду.

– Про фронтовика?... – настораживаюсь я.

– Да ты не сомневайся, – успокаивает меня Алексей Алексеевич. – Тот фронтовик ушлый был, с юмором воевал. А уж рассказывать как умел!..

– Ладно, – соглашаюсь я. – Можно и про Кайду послушать для общего счёта.

– Переправляемся мы с другом Колькой через Днепр, – начинает рассказывать Алексей Алексеевич от имени фронтовика то ли по фамилии Кайда, то ли по прозвищу. – А нем-

цы лупят из пушек и пулемётов страсть как, аж вода кипит! Нам, конечно, хоть бы что, корягой какой-то прикрылись и на всех парах вперёд. Вот-вот берег. А тут как назло самолёты немецкие налетели, бомбы швыряют пачками. Но ничего – уворачиваемся, форсируем. А они всё здоровее и здоровее бомбы кидают. Слава богу, наши истребители подоспели. Отогнали. И один из них, напоследок, низочко так над водой пролетел и чирк меня кончиком крыла за плечо, аж клочок ваты вырвал из телогрейки. Задрал я голову, а там сам главнокомандующий.

«Здорово, Кайда! Как держишься дружище?»

«Здравия желаю, товарищ Сталин! – ору в ответ. – В атаку шас пойду!»

«Молодец! – говорит. – Действуй как Чапаев!»

Пулей вылетаем мы с Колькой на берег и в штыковую атаку! А тут снаряд прямо в ноги бах!.. Очнулись в каком-то сарайчике. В щели глянули – немцев кругом, не счесть. Тысячи!.. В плен, значит, попали из-за контузии.

На другое утро приходит к нам здоровенный, как слон, офицер, и говорит: «Кайда, иди к генералу на допрос!» А я, не будь дураком, Кольку первым послал – он пару лет в школу ходил.

Как чесанул им Колька на допросе на чистейшем немецком, куда там фашистам до такого! Зауважал нас сразу генерал, уборщиками определил на аэродром.

Похватили мы с Колькой мётлы и давай шуровать по

взлётной полосе. Столб пыли подняли, заглядываем в один из самолётов – а там всё простенько, как в полуторке.* Решили мы оглядеться и дёру дать. А тут немцы, как назло, на обед стали звать. Но мы ни в какую. «Дело прежде всего, – говорим. – Дометём до конца взлётную полосу, а потом уже и пообедаем». Покрутили фрицы в удивлении головами, посмеялись, одобрительно похлопали нас по спинам и ушли. А мы прыг в ближайший самолёт, я сразу за руль и по всем газам. Жму и слышу в шлемофоне испуганную немецкую речь: «Ахтунг! Ахтунг! В воздухе Кайда!»* Оглянулся я, а следом мчится целая эскадрилья «Мессершмидтов». Я газу – и они газу! Я в сторону – и они в сторону! Я вверх-вниз – и они вверх-вниз! Не отстают гады! Что делать?.. Не знаю! И тут-таки догадался, залетаю в самую большую тучу и резко по тормозам: «Бац!» А эти дурачки мимо пронеслись. Нам потом главнокомандующий лично вручил ордена за угнанный самолёт...

Мой Чернобыль (правдивый очерк)*

У меня был свой Чернобыль.

Весной 1986 года я был на побывке в родных краях – на Верхнем Дону. В конце апреля среди казаков прошёл слух о взрыве на атомной электростанции на Украине. Верить людской молве не хотелось, да пришлось. Вскоре по степям заколесили мобильные группы со специальными приборами по выявлению уровня радиации в грунте и атмосфере.

Отпуск как раз закончился. Я вернулся в Литву. В то время я стал курсантом Вильнюсского военного училища МВД СССР и на какое-то время забыл в учебной суете о случившемся. Однако чернобыльская тема вскоре снова всплыла. Об этом шепотком заговорили между собой в коридорах и курилках преподаватели и даже упомянули, что весь состав училища могут направить в район Чернобыльской АЭС на охрану общественного порядка.

И это случилось. Все курсанты были направлены на полное – очень тщательное медицинское обследование. И тут у многих сдали нервы. У кого-то неожиданно появились мудрёные болезни, у кого-то травмы рук и ног, а кто-то откровенно отказался. Начальник училища сразу всех образумил, доложив на общем собрании, что симулянты и отказники будут не допущены к государственным экзаменам и в резуль-

тате лишатся дипломов юристов-правоведов и воинских званий лейтенанта, которые должны были стать реальными всего лишь через полгода, да ещё, вдобавок, со всех будут вычтены деньги, вложенные государством на наше обучение. И даже грозил возбуждением уголовных дел. Все сразу угомонились и пошли на обследование к приехавшим прямо в училище врачам. Слишком много стояло на кону: часть из нас уже были женаты и имели детей либо ждали их появления, а другая часть активно примерялась связать себя, буквально в ближайшее время, «Узами Гименея», так как знали, что многие попадут по распределению в северные, малообжитые районы нашей тогда ещё не развалившейся на части необъятной родины – а там незамужних девушек, как говорится, днём с огнём... Благо торопились и засидевшиеся в незамужестве девушки, почувствовав свой час.

Несмотря на жёсткий контроль со стороны руководства, несколько курсантиков умудрились-таки прикупить какие-то справки о болезнях. В основном это были местные кадры – жители Литвы. В каждой группе, в обязательном порядке, были два-три местных кадра. Если они даже не набирали на экзаменах достаточного количества баллов (а конкурс был вполне приличный), их всё равно принимали. И они, будучи местными, находили какие-то лазейки: у кого-то отец был в дружбе с отцом знаменитого в то время на всю страну и даже на весь мир баскетболиста Сабониса, у кого-то отец был знаменитым портным и шил костюмы* власть иму-

щим, а у кого-то, видимо, просто были деньги. Большинство закавказцев, которых в училище было не так уж и много, тоже умудрились как-то отвертеться от командировки. Но братья славяне – русские, украинцы и белорусы, сопровождаемые татарами и северокавказцами – адыгейцами, дагестанцами, осетинами, чеченцами, ингушами... – загремели практически полным составом в места чернобыльские, радиационные.

Везли нас поездом Вильнюс – Гомель. Из Гомеля, до баз дислокации в белорусских городках Хойники и Брагин, – автобусами. Я попал в Хойники. Нам сразу нацепили на грудь именные датчики, чтобы впоследствии знать, кто сколько получил микрорентген, и расквартировали в местной районной школе, классы которой были оборудованы под жилые помещения. На службу ходили парами. День дежурства – сутки выходной, ночь дежурства – двое суток выходной. Службу несли в пустых сёлах Полесья – напротив атомной электростанции. Перед заступлением на службу каждому выдавали две бутылки минеральной воды, привезённой извне, чаю из общего котла в собственный термос, из воды, привезённой извне, сухой паёк, привезённый извне, портативную рацию, штык-нож, фонарик – и в путь. Автобус шёл полукольцом – от Припяти до Припяти. Останавливался только в сёлах, расположенных друг от друга на расстоянии примерно 7–8 километров. Каждое следующее дежурство – в следующем селе. Делалось это потому, что уровень зара-

жения в зоне отселения был разным. Перемещаясь, мы прошли все точки на полукольце и получили одинаковое количество радиации. При въезде в центр села дежурный офицер выкрикивал его название и две фамилии. Автобус на пару секунд приостанавливался, из него выпрыгивали два курсанта и молча шли по пустынной, безмолвной улице к специально оборудованному под наблюдательный пост дому. Одна из комнат дома была обеззаражена, в ней находились стол, два табурета, керосиновая лампа «летучая мышь» и исправная печка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.